

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

МАТЕРИАЛЫ ЗАДАНИЙ ОЛИМПИАДЫ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

**(АКАДЕМИЧЕСКИЙ РИСУНОК, ЖИВОПИСЬ, КОМПОЗИЦИЯ,
ИСТОРИЯ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ)**

(2016/2017 УЧЕБНЫЙ ГОД)

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ РИСУНКУ
«РИСУНОК ФИГУРЫ ЧЕЛОВЕКА»

Конкурсантам предлагается в течение 7 академических часов выполнить:

- а) объемно-пространственный рисунок одетой фигуры человека с натуры при дневном освещении (6 академических часов). Техника – карандаш. Формат А-2.
- б) серию набросков одетой фигуры (1 академический час). Техника исполнения – карандаш, соус, сангина, пастель, уголь, тушь и т.д. Формат А-4.

При столбальной оценке конкурсного задания учитываются:

- композиция изображаемого натурального объекта в заданном формате,
- соответствие пропорций изображения в листе натурному объекту,
- соответствие характера натурального объекта к изображению на листе,
- уровень графического владения техникой карандашного рисунка,
- моделировка формы,
- моделировка деталей,
- общее тональное решение работы,
- степень завершенности работы,
- общее художественное впечатление от работы,
- качество исполнения.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ РИСУНКУ «НАТЮРМОРТ»

Конкурсантам предлагается в течение 6 академических часов выполнить с натуры объемно-пространственный рисунок натюрморта (бытовые предметы и геометрические тела с драпировками) при искусственном освещении. Техника исполнения – карандаш. Формат А-2.

При стобалльной оценке конкурсного задания учитываются:

- композиция натюрморта в заданном формате,
- соответствие пропорций натурному объекту,
- соответствие колористического решения работы натурному объекту,
- гармоничность цветовых отношений,
- передача материальности натурального объекта, цветовая моделировка формы,
- передача плановости, пространства,
- уровень владения техникой живописи,
- степень завершенности от работы,
- художественное впечатление от работы,
- общее,
- качество исполнения.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО ЖИВОПИСИ – «НАТЮРМОРТ»

Конкурсантам предлагается в течение 6 академических часов выполнить натюрморт в цвете с натуры (бытовые предметы, фрукты с драпировками) при искусственном освещении. Техника исполнения – акварель, гуашь, темпера. Формат А-2.

При стобалльной оценке конкурсного задания учитываются:

- композиция натюрморта в заданном формате,
- соответствие пропорций натурному объекту,
- соответствие колористического решения работы натурному объекту,
- гармоничность цветовых отношений,
- передача материальности натурального объекта, цветовая моделировка формы,
- передача плановости, пространства,
- уровень владения техникой живописи,
- степень завершенности от работы,
- художественное впечатление от работы,
- общее,
- качество исполнения.

**КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО КОМПОЗИЦИИ
«МОНОХРОМНАЯ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОМПОЗИЦИЯ»**

Конкурсантам предлагается в течение 4 академических часов выполнить одну композицию из предложенных геометрических тел на заданную тему:

Глубинно-пространственная динамическая композиция из простых геометрических форм с элементами построения в перспективе на тему **«Ритмы пространственной среды»;**

Глубинно-пространственная динамическая композиция из простых геометрических форм с элементами построения в перспективе на тему **«Форма в движении».**

Техника исполнения – по выбору. Формат А2.

При столбальной оценке конкурсного задания учитываются:

- размещение композиции в листе,
- передача характера композиции,
- соблюдение пропорциональности,
- выявление конструктивных особенностей композиции,
- передача объема композиции,
- использование тона,
- передача материальности композиции,
- степень завершенности от работы,
- общее художественное впечатление от работы,
- качество исполнения.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО КОМПОЗИЦИИ «ПЛОСКОСТНАЯ ХРОМАТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ»

Конкурсантам предлагается в течение 4 академических часов выполнить композицию из предложенных геометрических фигур в цвете на заданную тему:

Плоскостная композиция на тему: «Музыкальные ритмы». Выполняется с использованием простых геометрических фигур: круг, треугольник, квадрат, прямоугольник и их составляющих;

Плоскостная абстрактная композиция на тему: «Весеннее настроение». Выполняется с использованием простых геометрических фигур: круг, треугольник, квадрат, прямоугольник и их составляющих.

Техника исполнения – по выбору. Формат А4.

При стобалльной оценке конкурсного задания учитываются:

- размещение композиции в листе,
- передача характера композиции,
- соблюдение пропорциональности,
- передача материальности композиции,
- степень завершенности от работы,
- общее художественное впечатление от работы,
- качество исполнения.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО КОМПОЗИЦИИ

«ЭСКИЗ КОСТЮМА»

Конкурсантам предлагается в течение 4 академических часов выполнить 2 эскиза одежды из материалов различных фактур (мех, ткань, трикотаж):

Разработать два молодежных комплекта одежды для свободного времени под девизом «**Street style**» (Уличный стиль). Сезон «Весна».

1. Комплект одежды для девушки или юноши (на выбор) для прогулки по городу. В комплекте необходимо использовать анималистические принты, декор, набивки.
2. Комплект одежды для девушки или юноши (на выбор) для прогулки по городу. В комплекте необходимо использовать принты с графическими элементами стиля «Милитари» (ткань «камуфляж»).

Одежда должна быть оригинальна по цвету и образу. Приветствуется использование модных тенденций, оригинальность решения стильного образа и креативность.

Разработать два молодежных комплекта одежды для свободного времени под девизом «**Street style**» (Уличный стиль). Сезон «Весна».

1. Комплект одежды для девушки или юноши (на выбор) для прогулки по городу.
2. Комплект одежды для девушки или юноши (на выбор) для прогулки за городом.

В комплектах необходимо использовать в качестве принта, декора, набивки ткани с геометрическим орнаментом. Одежда должна быть удобна, функциональна. Приветствуется использование модных тенденций, оригинальность решения стильного образа и креативность.

Техника исполнения – акварель, гуашь, темпера, сангина. Формат А3.

При стобалльной оценке конкурсного задания учитываются:

- размещение композиции в листе,
- передача характера композиции,
- соблюдение пропорциональности,
- передача материальности композиции,
- степень завершенности от работы,
- общее художественное впечатление от работы,
- качество исполнения.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ ПО КОМПОЗИЦИИ

«СТАНКОВАЯ КОМПОЗИЦИЯ»

Конкурсантам предлагается в течение 6 академических часов выполнить две композиции: Монохромный эскиз будущей картины «Весенние хлопоты», Цветная композиция на свободную тему;

Монохромный эскиз будущей картины «Семья», Цветная композиция на свободную тему.

Техника выполнения первой композиции: тушь, кисть, ретушь, сепия, пастель, графитный карандаш, гуашь. Формат А-3 или А-2.

Техника выполнения второй композиции: акварель, гуашь, темпера. Формат А-3 или А-2.

При стобалльной оценке конкурсного задания учитываются:

- размещение композиции в листе,
- передача характера композиции,
- соблюдение пропорциональности,
- передача материальности композиции,
- степень завершенности от работы,
- общее художественное впечатление от работы,
- качество исполнения.

Министерство образования и науки Российской Федерации
 Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
 высшего образования
 «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
 ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
 «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
 (академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
 (заключительный тур)**

БИЛЕТ № 1.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Древняя Месопотамия.

Хронологические рамки _____ .

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
<p>Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).</p> <p>Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.</p>		

Российский совет олимпиад школьников

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»

(Академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 1.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Во введении к книге «Античный мир в терминах, именах и названиях», принадлежащей перу историка и специалиста по классическим языкам И. А. Лисового и историка-антиковеда К. А. Ревяко, дана структурная оценка вклада античности в культуру Нового времени: «Вклад античности в культуру Нового времени также уникален. Во-первых, античная цивилизация создала целостную систему государственности и законности. Во-вторых, именно в ней зарождается понимание того, что свобода человека — это одно из необходимых условий преобразования и развития общества по пути исторического прогресса. В-третьих, античная философия, литература, искусство не только заложили фундамент европейской культуры, но и стали мерилем основных человеческих ценностей».

Опираясь на знания по истории культуры расскажите о достижениях Древней Греции, ее вкладе в формирование античной цивилизации и влиянии на последующее развитие западноевропейской цивилизации.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по одnorядке^б и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по одnorядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Муж и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужи Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".

Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

... Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

... Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

... И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полею, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершися в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотою. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землею, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают....Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в бескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

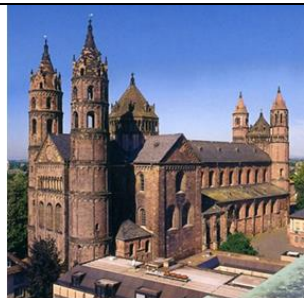
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

Ил. 12..

Ил. 13.

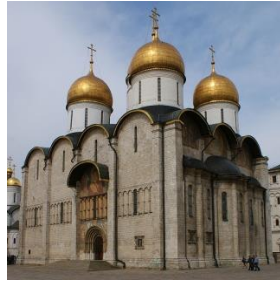
Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

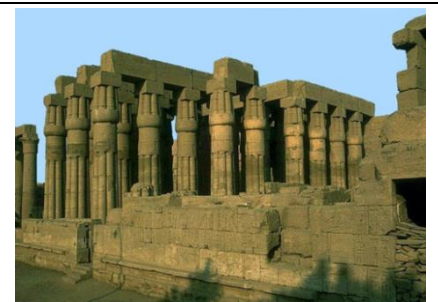
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

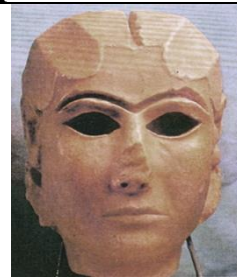
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

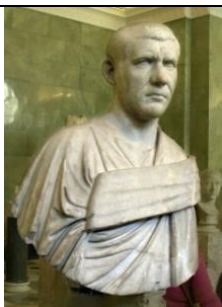
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

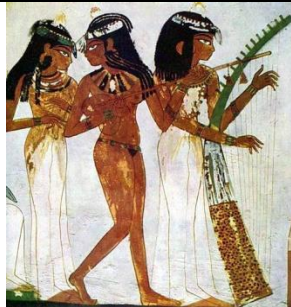

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

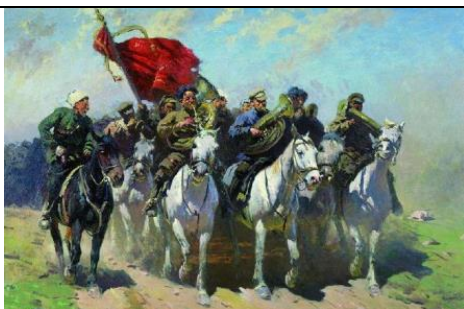
Ил. 62.

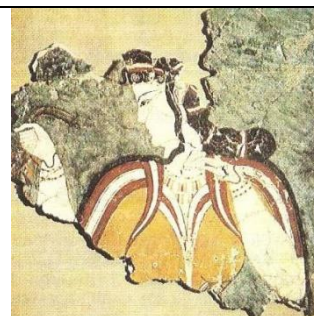
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

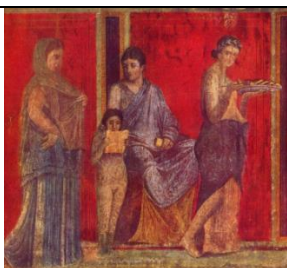
Ил. 67.

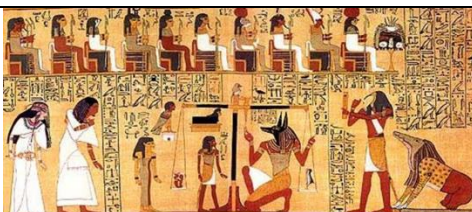
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70..

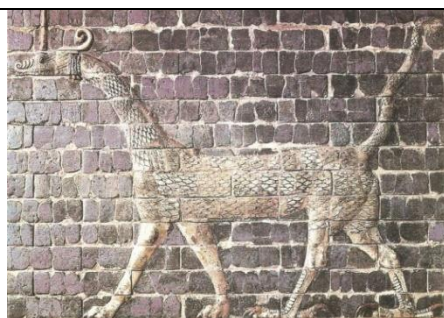
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

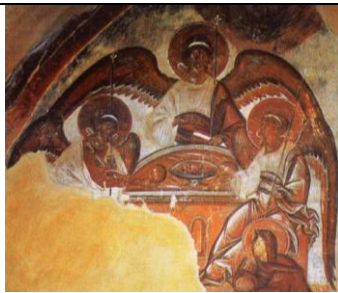
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 1.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образ Богородицы в искусстве

- А. Определите время создания (век) каждого из представленных произведений
- Б. Определите технику, в котором выполнено каждое из произведений
- В. Укажите, какое из произведений называется «Нерушима стена»

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 1.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 4.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Древний Египет.

Хронологические рамки _____ .

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
<p>Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).</p> <p>Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.</p>		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 4.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Античная культура Рима, основанного в 753 году до н.э., получила свое грандиозное развитие только после завоевания Греции. Не даром существует расхожее мнение о том, что греческая культура создала римскую. Однако интересна мысль русского искусствоведа начала XX века Н.П.Гнедича: «Если мы сравним Элладу с юным, увлекающимся художником-поэтом, то Рим можно сравнить с меценатом, сознающим свое мировое величие. Он не снисходит сам до искусства, он искусство приноравливает к себе, к своим потребностям...к будничным, практическим сторонам жизни».

Опираясь на знания по истории культуры расскажите о Древнеримской цивилизации и покажите в своем ответе, что римляне с мудрой практичностью заимствовали достижения завоеванных стран, создав собственную самобытную культуру с отпечатком величия.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке^б и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".

Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полям, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудака проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предложениями остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотою. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землею, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,

Певец двуликий, в выси эфирные,

С землей расставшись, с городами,

Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,

В дом Мецената дружески принятый,

Бессмертен я, навек бессмертен:

Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

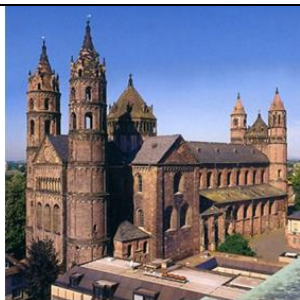
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

**Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.**

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

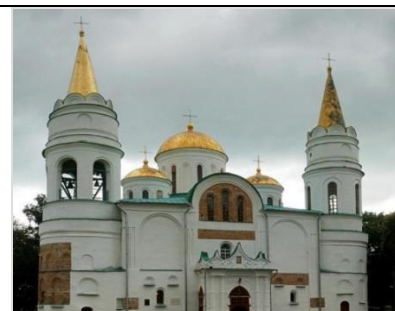
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

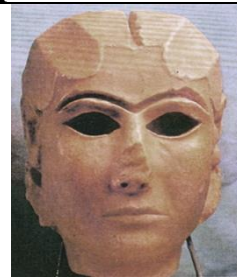
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

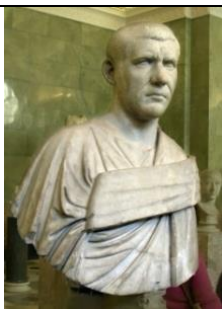
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

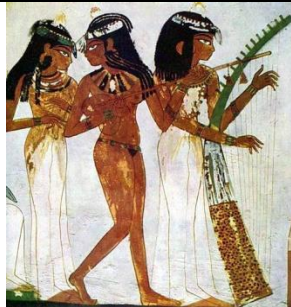

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

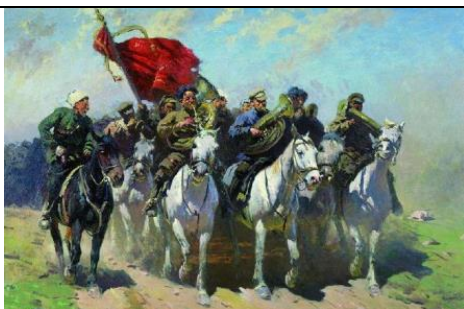
Ил. 62.

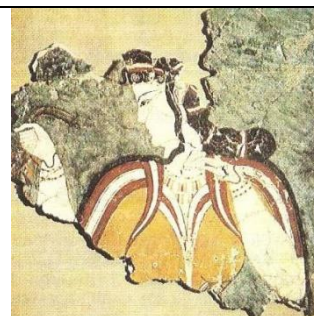
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

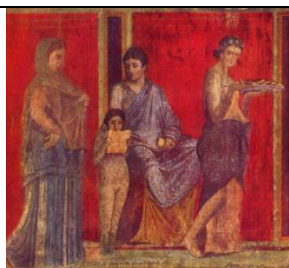
Ил. 67.

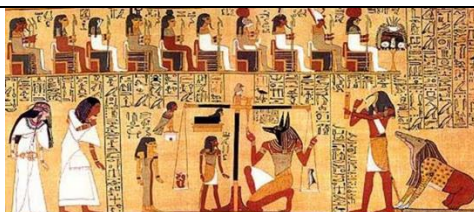
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

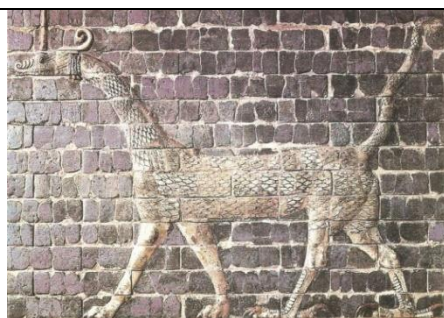
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

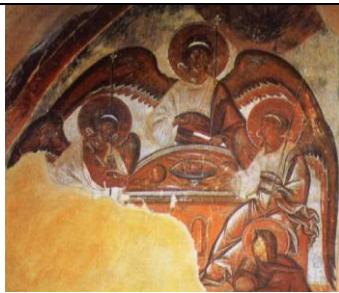
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 4.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Портрет в искусстве

- А. Назовите, кто изображен на каждом из представленных портретов
- Б. Назовите вид искусства, в котором выполнена каждая из представленных работ
- В. Назовите, какие из представленных работ находятся в Эрмитаже

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 4.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 6.

**Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи:
Древняя Русь в IX – XIII вв.**

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).		
Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 6.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Культура западноевропейского средневековья охватывает более чем тысячелетний отрезок трудного пути, пройденного народами, населявшими Европу. В эту эпоху образовались жизнеспособные нации и государства, сложились современные европейские языки, были созданы произведения, обогатившие историю мировой культуры.

Расскажите о важнейших достижениях культуры и искусства средневековья, обосновав формирование историко-культурного единства Западной Европы.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".

Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полею, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожатаем и путеводною звездою... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и посейчас сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевавшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславил Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотою. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

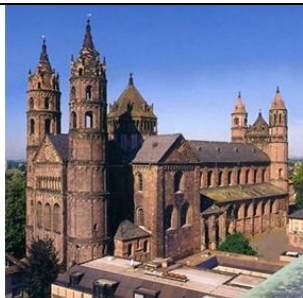
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

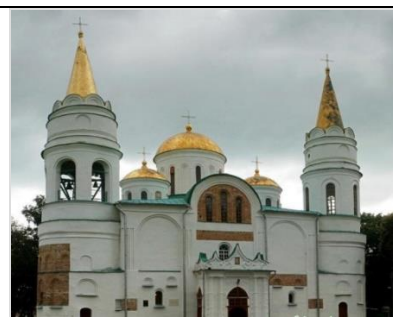
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

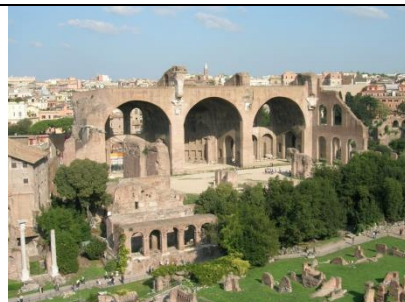
Ил. 26..

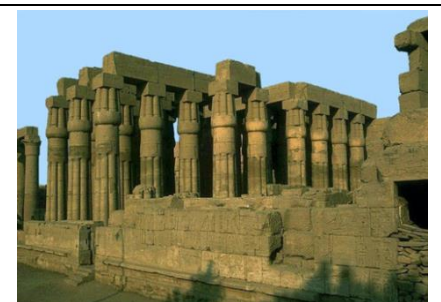
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

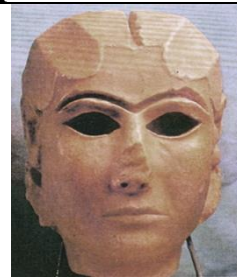
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

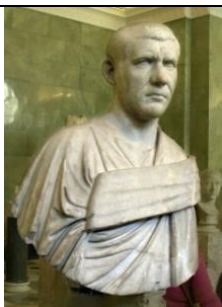
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

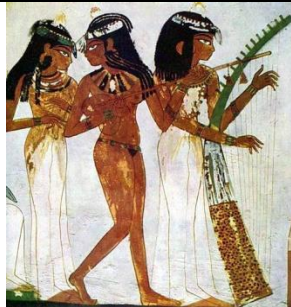

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

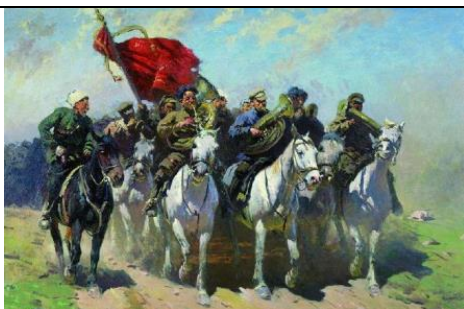
Ил. 62.

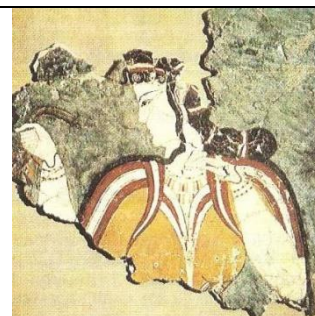
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

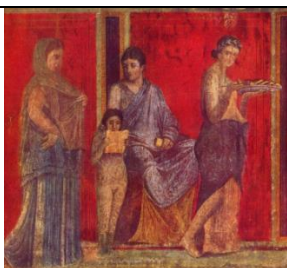
Ил. 67.

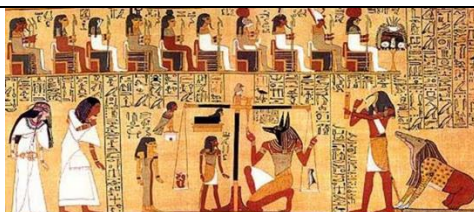
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

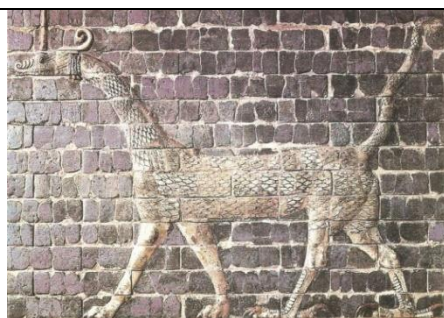
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

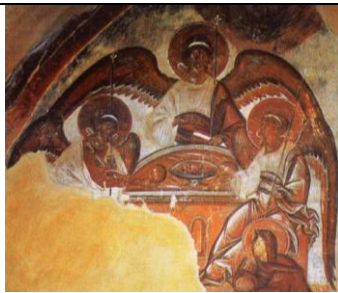
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 6.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образ революции в западноевропейском искусстве

- А. Определите автора каждого произведения
- Б. Назовите, какое именно событие изображено на каждом из представленных произведений
- В. Какое из представленных произведений находится в Лувре (Париж)

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 6.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 8.

**Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи:
Московская Русь в XIV – XVII вв.**

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).		
Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 8.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

В книге «Основные проблемы византийской истории» Шарль Диль дает следующую оценку Византийской цивилизации: «Византия создала блестящую культуру, может быть, самую блестящую, какую только знали средние века, бесспорно единственную, которая до XI в. существовала в христианской Европе. Константинополь оставался в течение многих столетий единственным великим городом христианской Европы, не знавшим себе равных по великолепию. Своей литературой и искусством Византия оказывала значительное влияние на окружавшие её народы. Оставшиеся от неё памятники и величественные произведения искусства показывают нам весь блеск византийской культуры. Поэтому Византия занимала в истории средних веков значительное и, надо сказать, заслуженное место».

Опираясь на знания по истории культуры расскажите о достижениях Византийской цивилизации и дайте свое обоснование значимости влияния Византии на последующее развитие мировой культуры.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездою... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретается, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрачки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевавшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землею, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепрура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепрура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

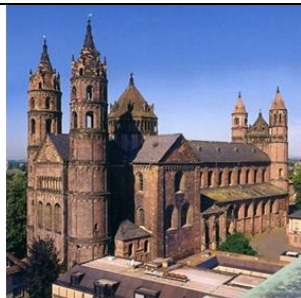
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

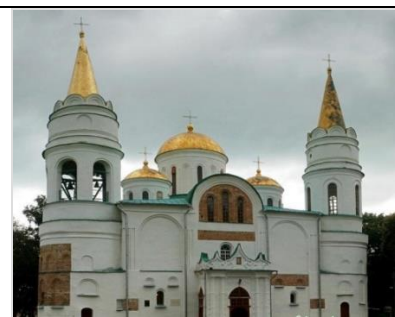
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

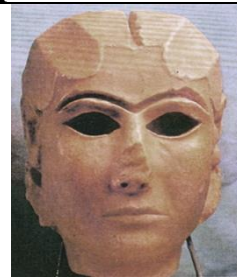
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

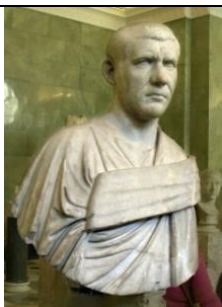
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

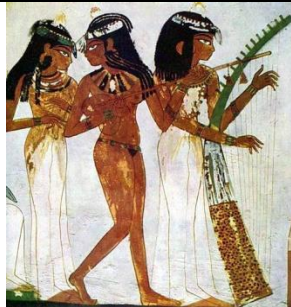

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

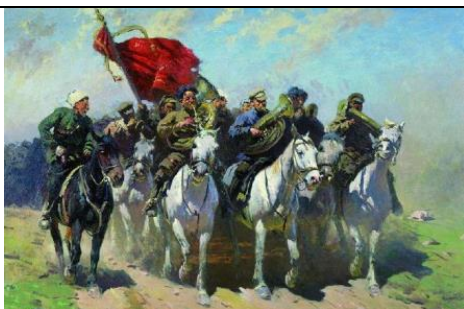
Ил. 62.

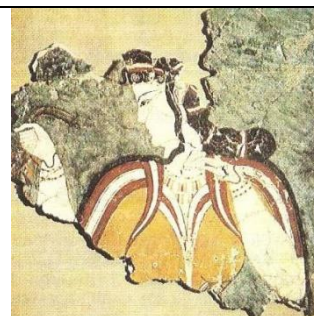
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

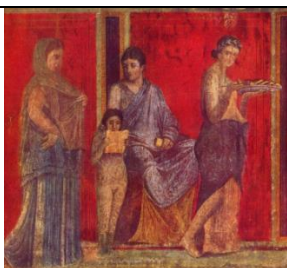
Ил. 67.

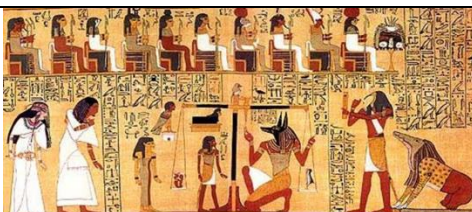
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

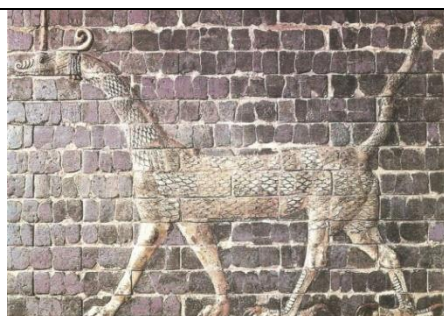
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

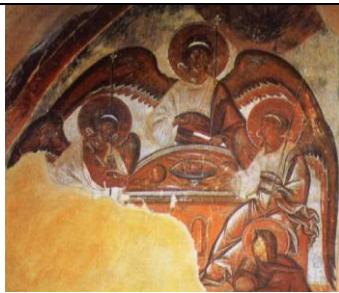
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 8.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Натюрморт в искусстве

- А. Назовите автора и время создания (век) каждого из представленных произведений
- Б. Назовите направление в искусстве, в котором выполнено каждое из представленных произведений
- В. Какой из представленных натюрмортов хранится в Эрмитаже

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

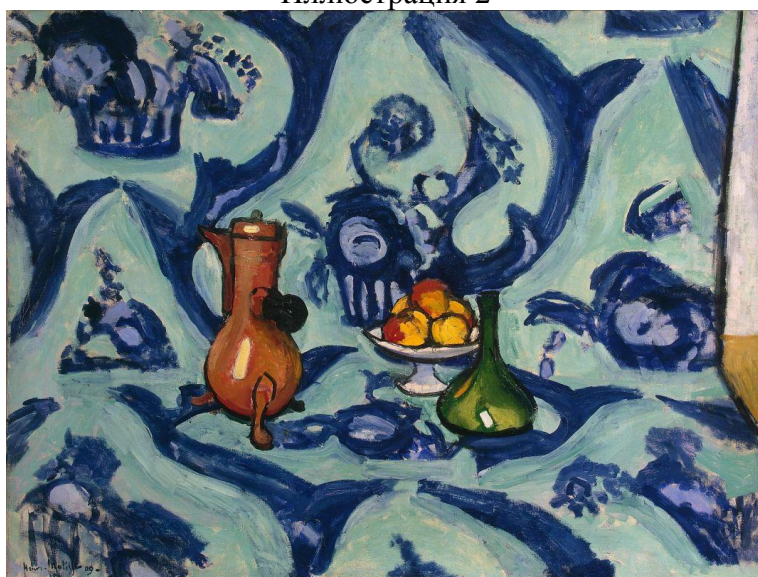

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 8.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 10.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи:

Западноевропейское средневековье.

Хронологические рамки _____ .

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).		
Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 10.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

В XVIII в. в России наблюдалась очень быстрая, спрессованная во времени смена художественных стилей, и тот путь, который в Западной Европе занимал два, а то и три столетия, русская культура прошла всего за один век, определивший новые тенденции развития культуры. Так, в формах стиля барокко воплотился первый подъём светской русской художественной культуры, сбросившей с себя на рубеже XVII - XVIII вв. путы средневековья и приобщившейся к передовым достижениям Западной Европы. Стиль рококо проявил себя в русском искусстве преимущественно в отделке дворцовых интерьеров. В XVIII в. в России были созданы замечательные городские и загородные архитектурные ансамбли, сложилась одна из важнейших в Европе школ реалистического портрета. Классицизм XVIII и ампи́р начала XIX вв., как его высшая стадия, в России способствовали подъёму градостроительства, возведению общественных построек, созданию ансамблей, определивших «строгий, стройный вид» Санкт-Петербурга и других городов. Но уже в классицизме, связанным в России с подъёмом национального самосознания и патриотических гражданских устремлений общества, отчётливо намечаются направления, существенно различные по социальной и художественной программе.

Составьте в своем ответе наиболее полную картину развития русской культуры в XVIII в. с опорой на конкретные примеры, характеристикой стилей и направлений в искусстве.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, —

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содейлай бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари взывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалейте души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевавшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,

Певец двуликий, в выси эфирные,

С землей расставшись, с городами,

Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,

В дом Мецената дружески принятый,

Бессмертен я, навек бессмертен:

Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

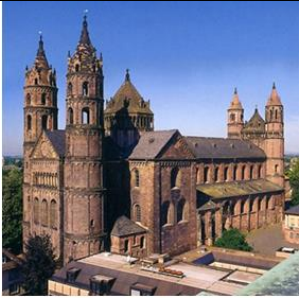
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

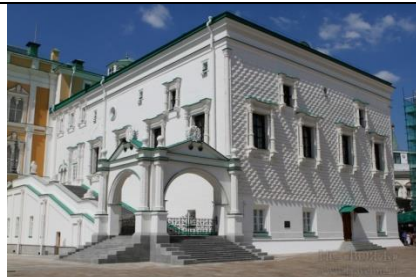
Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

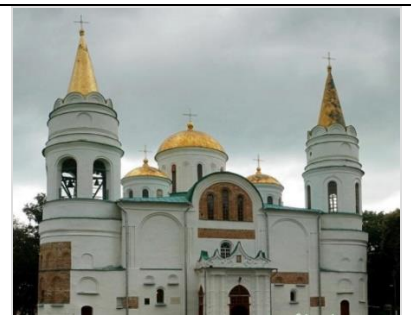
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

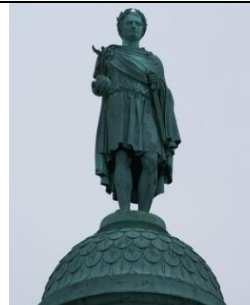
Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

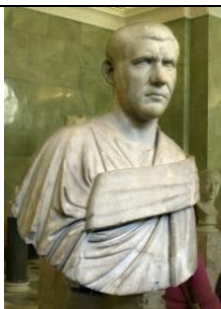
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

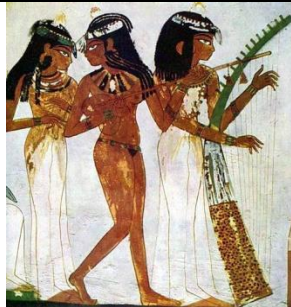

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

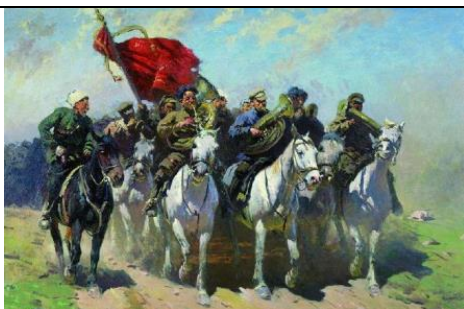
Ил. 62.

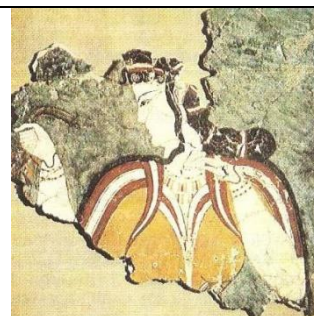
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

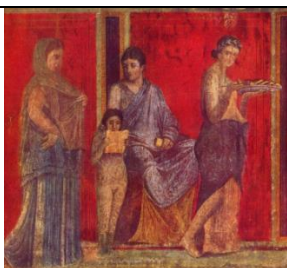
Ил. 67.

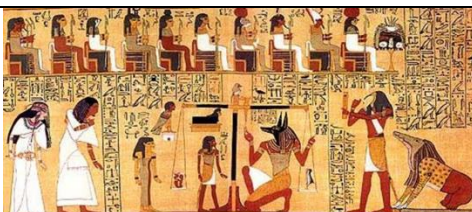
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

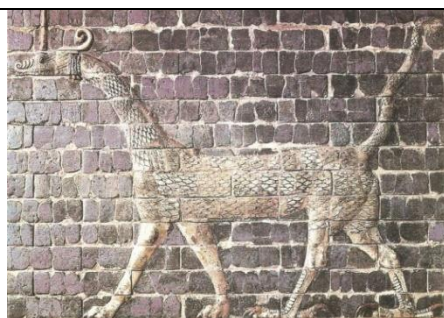
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

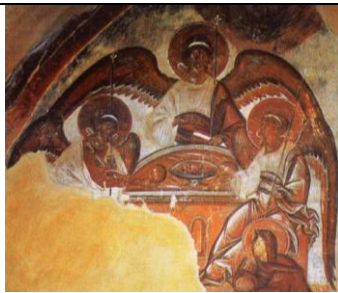
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 10.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Женский образ в творчестве Тициана

- А. Определить название каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Перечислить эти произведения в хронологическом порядке – от более раннего к более позднему по времени создания

Иллюстрация 1

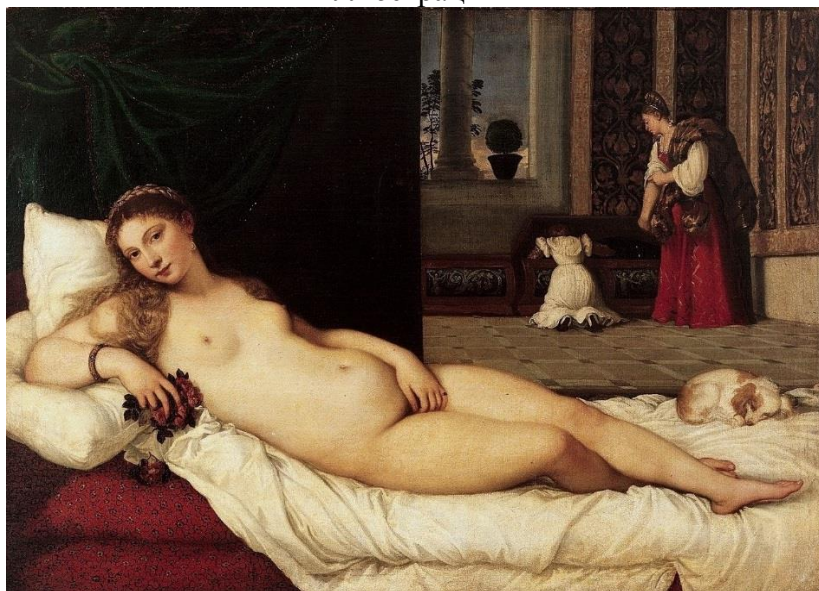

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 10.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 13.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Византия.

Хронологические рамки _____ .

Вид искусства	Стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
<p>Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).</p> <p>Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.</p>		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 13.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Как бы не оценивать революцию 1917 г., невозможно отрицать ее громадного влияния на судьбу России и все сферы жизни и общества. Какое воздействие революционные потрясения оказали на интеллигенцию и на культурную жизнь общества?

Расскажите о судьбах русской интеллигенции и специфике развития русской культуры в послереволюционный период. Попробуйте оценить воздействие разрушительной и обновляющей сил революции на культуру нашей страны.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарыча на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездою... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предложениями остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и посейчас сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землею, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалею, то не только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

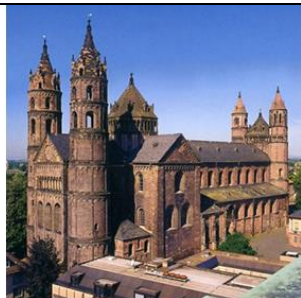
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

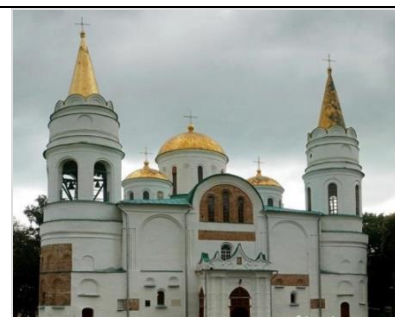
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

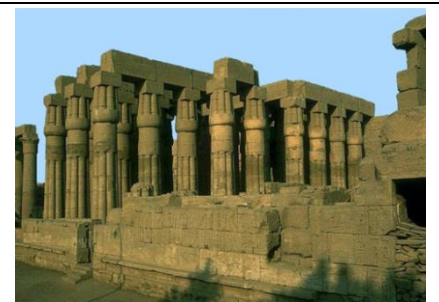
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

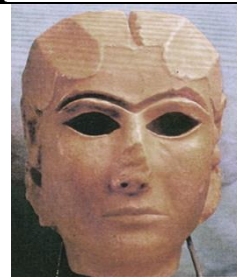
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

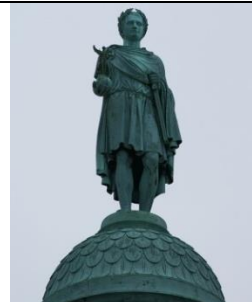
Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

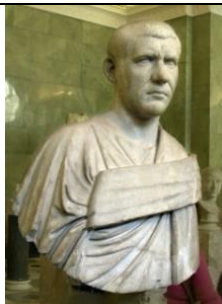
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

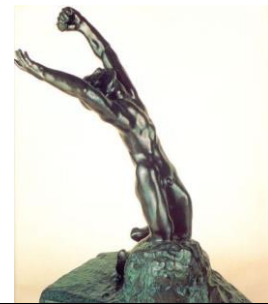
Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

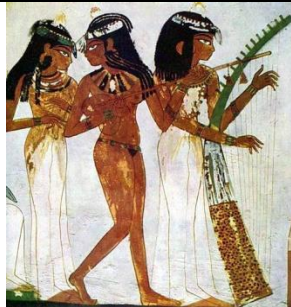

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

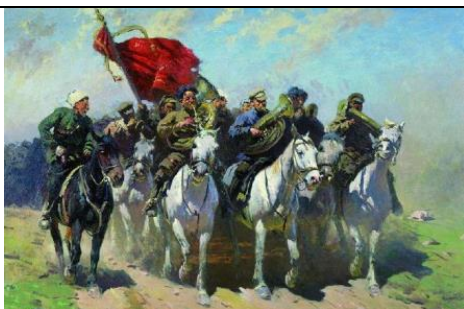
Ил. 62.

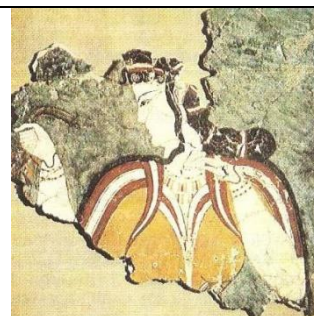
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

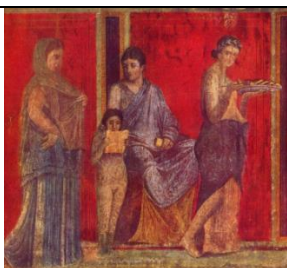
Ил. 67.

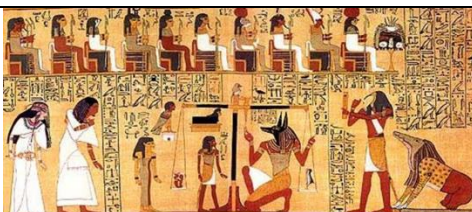
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

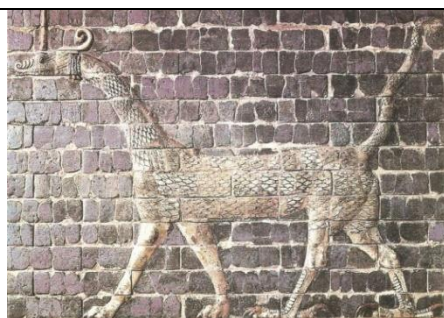
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

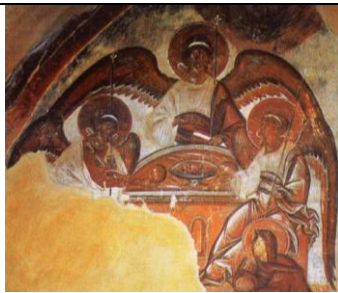
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 13.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Женский образ в западноевропейском искусстве 18 века

- А. Определить название и годы создания каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить, какие из представленных картин хранятся в Эрмитаже

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 13.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 15.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Возрождение.

Хронологические рамки _____ .

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
<p>Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).</p> <p>Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.</p>		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 15.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Общемировое признание получила русская литература второй половины XIX в. – самая философская и социальная в Европе. Она стала поистине учебником жизни, взяв на себя помимо эстетической функции, еще и функции философии, социологии, общественно-политических наук. Какие «мучительные» русские вопросы XIX в., на Ваш взгляд, востребованы современным российским обществом? В чем современность и созвучность творчества классиков русской литературы?

Раскройте тему: **Литература второй половины XIX в. как отражение реальной жизни, проблем и боли России.**

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари взывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалейте души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретается, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотою. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землею, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалею, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,

Певец двуликий, в выси эфирные,

С землей расставшись, с городами,

Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,

В дом Мецената дружески принятый,

Бессмертен я, навек бессмертен:

Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

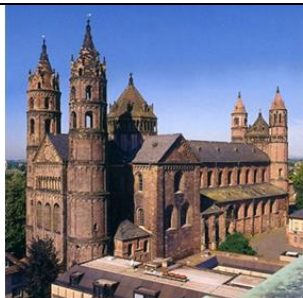
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

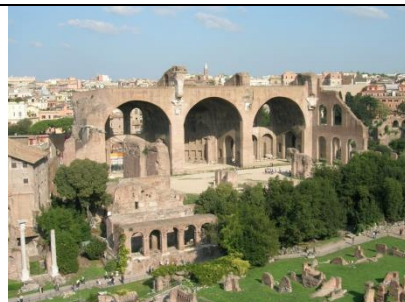
Ил. 26..

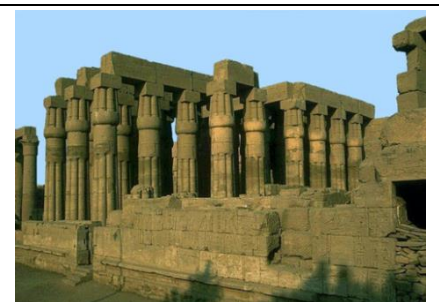
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

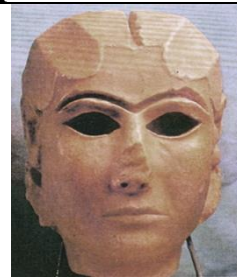
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

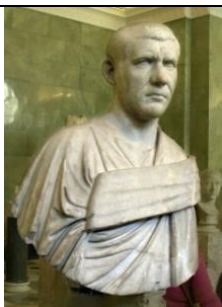
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

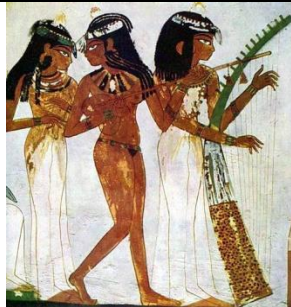

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

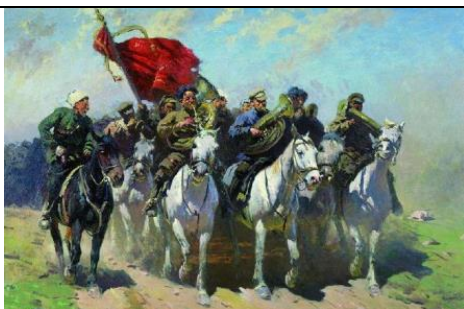
Ил. 62.

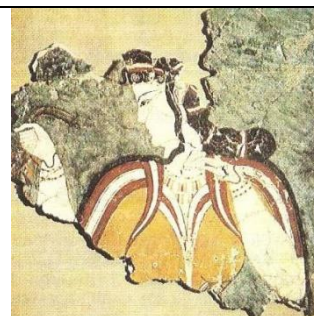
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

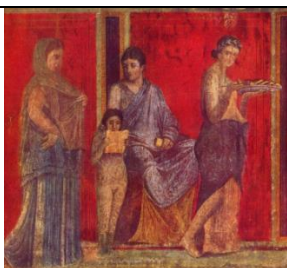
Ил. 67.

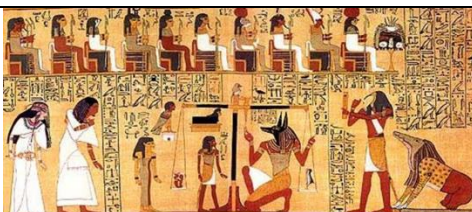
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70..

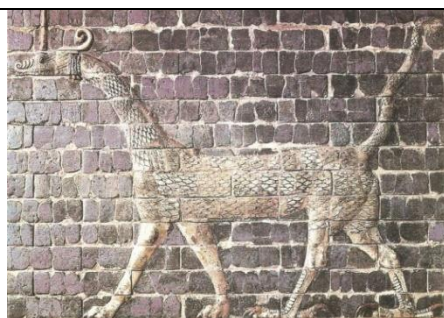
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

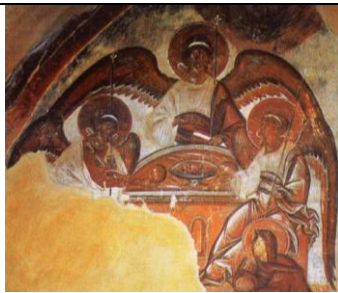
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 15.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Женский образ в западноевропейском искусстве 19 века

- А. Определить название и годы создания каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить направление искусства, в котором создана каждая из представленных картин

Иллюстрация 1

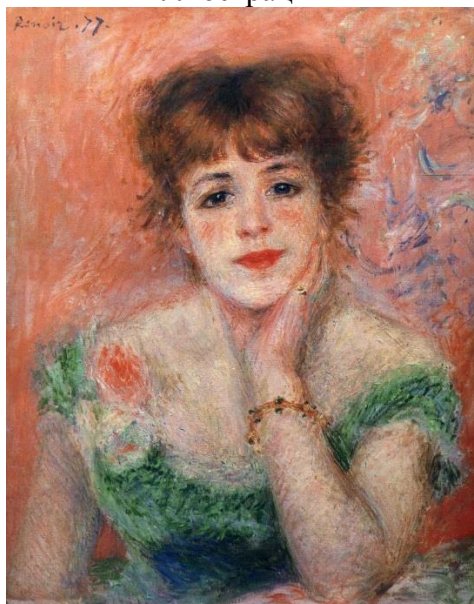

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 15.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 16.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Западноевропейское Просвещение.

Хронологические рамки _____.

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).		
Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 16.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Древнерусская культура, по мнению Н. Бердяева, имела «внеграницный» характер, что связано с разнообразием этнического материала и богатством культурных влияний на всем протяжении ее формирования и развития, рождавшими сложные процессы взаимодействия и взаимодетерминации различных культурных элементов. Данная специфика будет осмысливаться в XIX-XX вв. в категориях «соборности», «вселенскости», «всечеловечности».

Основываясь на знаниях истории культуры расскажите о специфике формирования и развития культуры Древней Руси в IX – XIII вв., вбирающей как самобытные элементы, так и влияние культур соседних народов и государств, составивших уникальность «русского мира».

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарыча на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрачки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предложениями остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалею, то не только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеяние, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,

Певец двуликий, в выси эфирные,

С землей расставшись, с городами,

Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,

В дом Мецената дружески принятый,

Бессмертен я, навек бессмертен:

Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

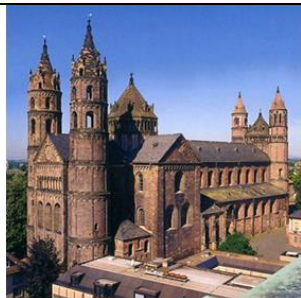
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

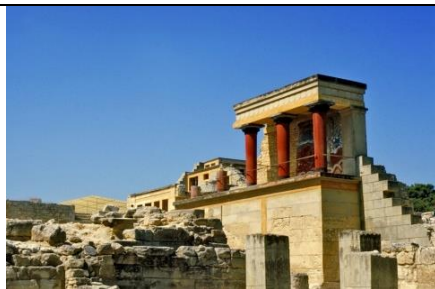
Ил. 11.

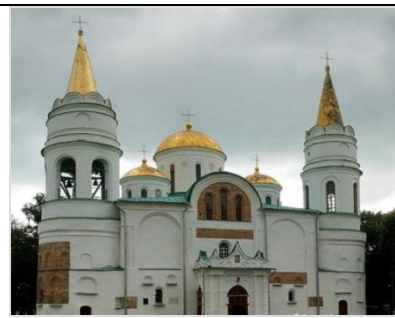
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

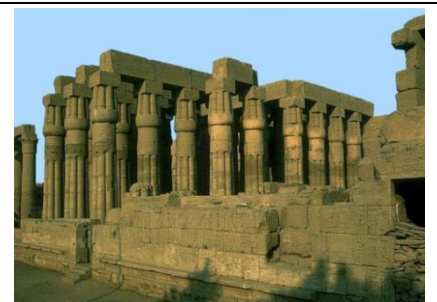
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

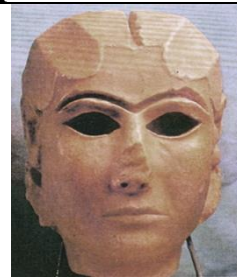
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

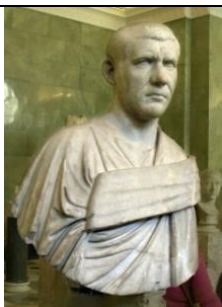
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

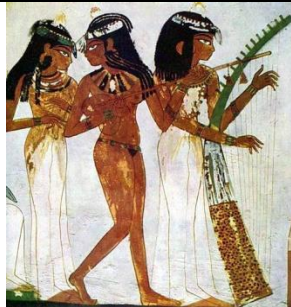

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

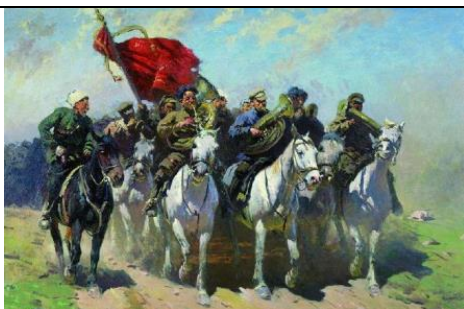
Ил. 62.

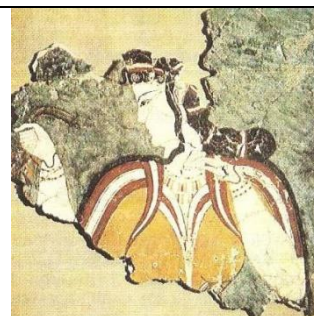
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

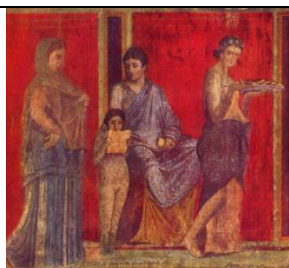
Ил. 67.

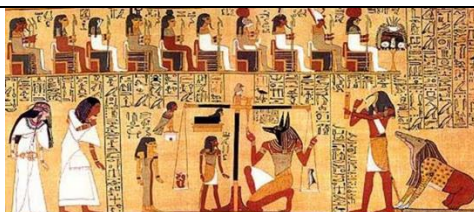
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

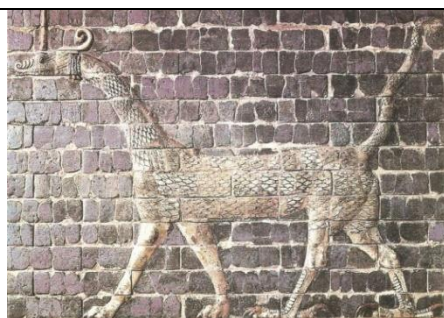
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

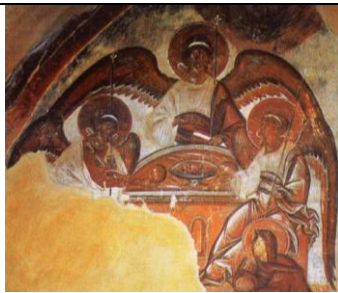
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

История искусства и культуры

Задания «История искусства и культуры» (заключительный тур)

БИЛЕТ № 16.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образ ребенка в западноевропейском искусстве Нового времени

- А. Определить название и время создания каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить школы изобразительного искусства, к которым принадлежали авторы этих произведений.

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 16.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 19.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Россия XVIII в.

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __

Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).

Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 19.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

Культурная ситуация первой половины XX в. складывалась под знаком модернизма, который понимается учёными двояко: в широком и в узком смыслах. В узком смысле «модерн» означает один конкретный стиль в искусстве Европы и Америки конца XIX – начала XX вв. В широком смысле модернизм – это совокупность художественных течений и направлений первой половины XX столетия, знаменовавших отход от культурных ценностей XVIII – XIX вв.

Перечислите направления художественных поисков и охарактеризуйте основные тенденции развития модернизма в его широком понимании.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижинкой бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожатаем и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудаков проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я гложу в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрачки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуящую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалею, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

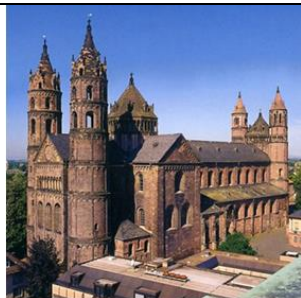
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

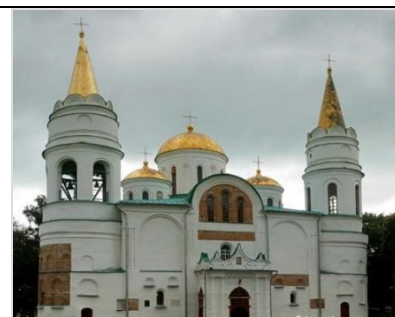
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

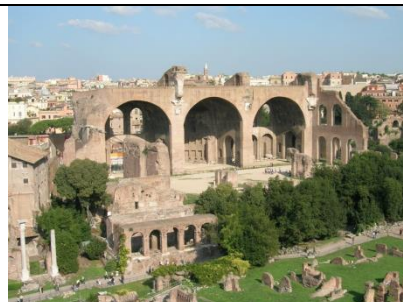
Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

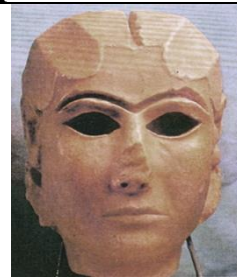
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

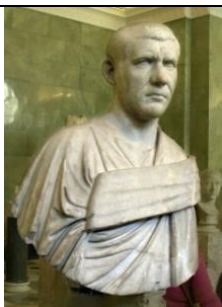
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

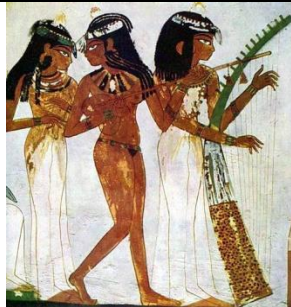

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

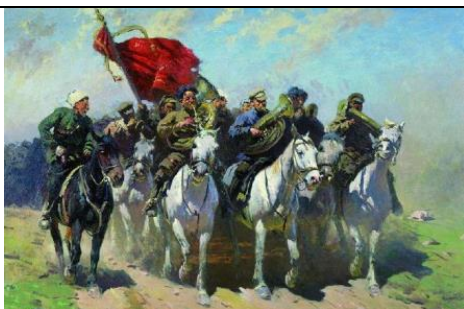
Ил. 62.

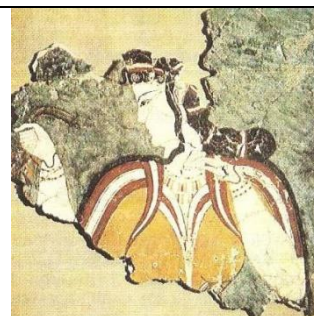
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

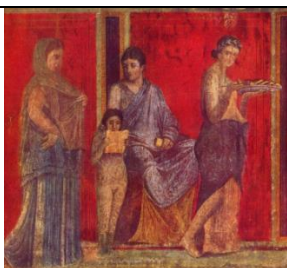
Ил. 67.

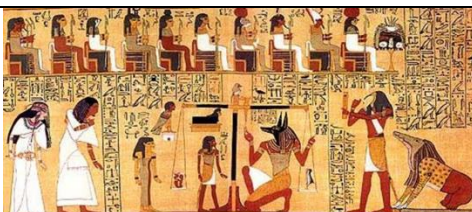
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

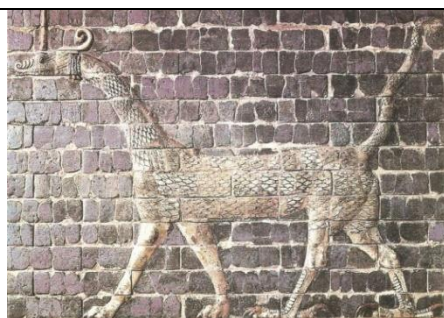
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

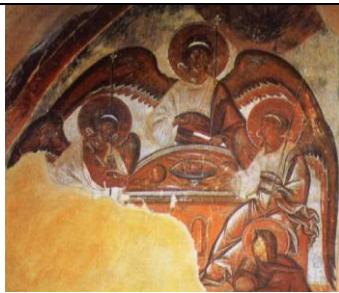
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 19.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образы революционеров в западноевропейском искусстве

- А. Определить название, время и автора каждого произведения
- Б. Описать, какое именно событие изображено на каждой из представленных картин
- В. Перечислить эти произведения в хронологическом порядке – от более раннего к более позднему по времени создания.

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 19.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)
Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)

БИЛЕТ № 21.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: XIX в. в Западной Европе.

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).		
Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 21.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

В «Очерках по истории мировой культуры», изданных под редакцией Т.Ф. Кузнецовой, содержится всеобъемлющая оценка значения культуры Московской Руси: «XV-XVI вв. — это эпоха прояснения социально-политических, духовных, культурных проблем, эпоха полемик и диалогов, эпоха начала книгопечатания и формирования светского направления в культуре, это развитие самостоятельной критической мысли, направленной на рефлексию самих основ русской цивилизации. Это период синтеза локальных культур и государственно-политических институтов, собирания и осмысления ценностей и идеалов предшествующего этапа культурного развития, время становления русского национального характера, высокого развития исторического самосознания, которое предполагало и историческую память и историческую ответственность за судьбы Родины». Традиционализм и историзм, свойственные данному периоду русской культуры, не были нацелены только на развитие охранительных тенденций в социокультурной жизни Руси. Напротив, они предполагали становление «самомышления», на основе полемического прояснения всех культурозначимых вопросов: «...от судеб феодальной земельной собственности до принципов иконописания... Обсуждаются проекты социальных реформ, государственного устройства, происхождение и характер великокняжеской и царской власти, ее обязанности по отношению к подданным, ее взаимоотношения с церковью, социальная и этическая роль церкви и монашества, место России в мировой истории и русской церкви в истории христианства».

Опираясь на знания по истории культуры Московской Руси дайте полноценное обоснование приведенной выше оценке, основываясь на конкретных примерах всех составляющих формирования единой общерусской культуры.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полям, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари взывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалейте души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:

Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я глохну в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевавшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславил Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, находившая особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

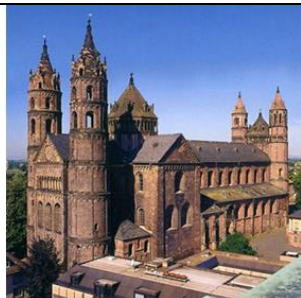
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

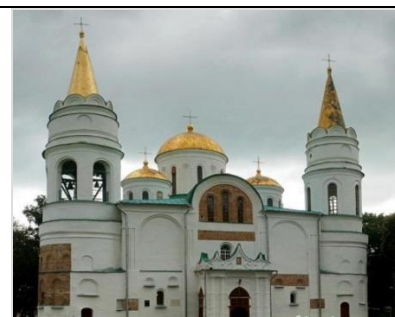
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

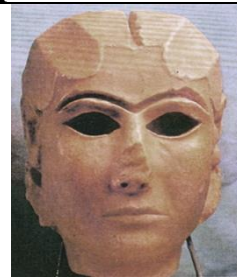
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

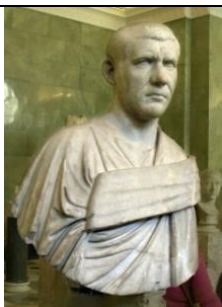
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

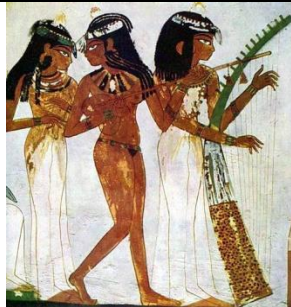

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

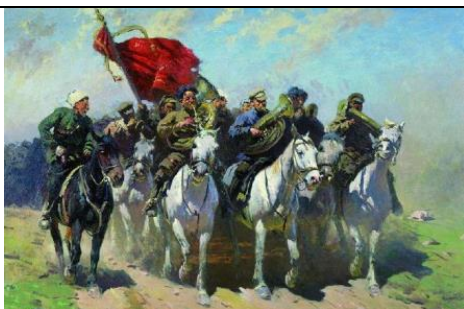
Ил. 62.

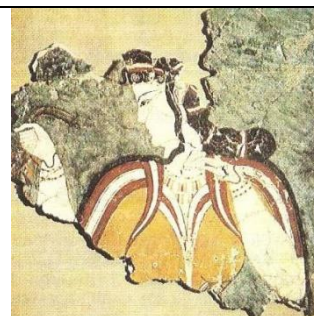
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

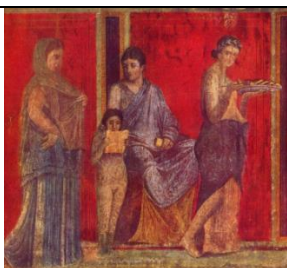
Ил. 67.

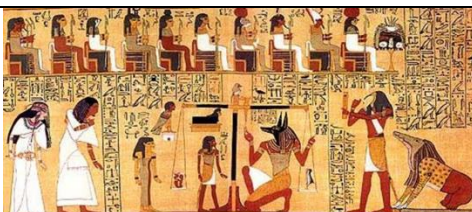
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

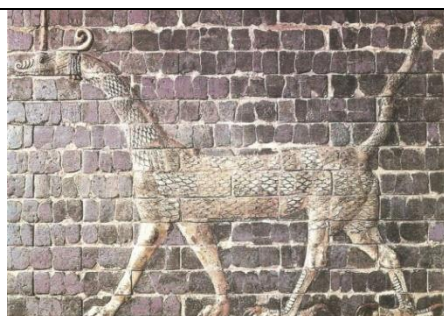
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

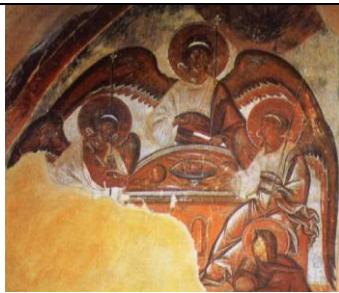
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 21.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образ материнства в западноевропейском искусстве

- А. Определить название, время и автора каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить направление искусства, в котором написана каждая из представленных картин.

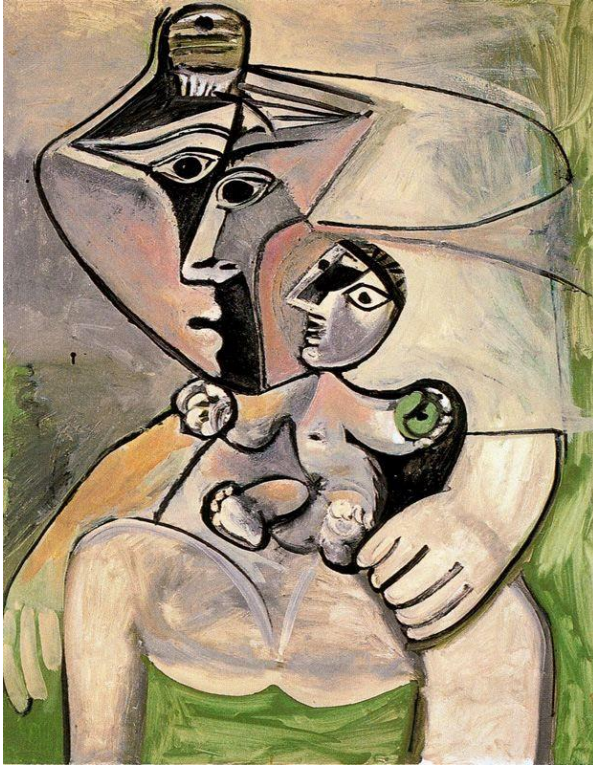

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Иллюстрация 3

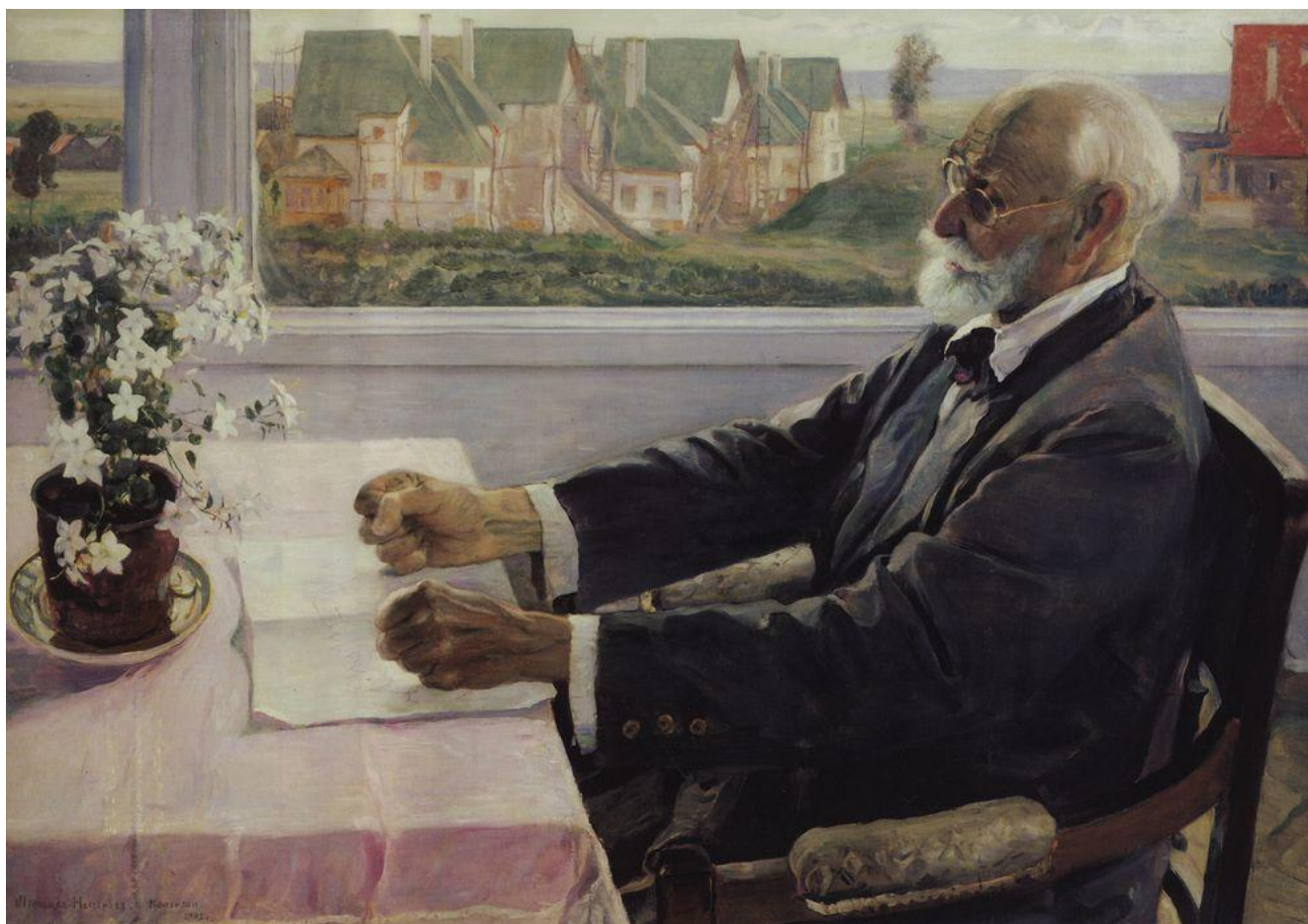
Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 21.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 24.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: Россия XIX в.

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __

Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).

Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 24.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

В Западной Европе в XVII - XVIII продолжалось формирование национальных художественных школ, чья сложная социальная природа и стилистические различия дают противоречивую картину, полную острой борьбы и ярких художественных достижений. В **Италии, Испании, Фландрии** сложилось искусство стиля барокко, патетическое, полное парадного блеска и бурной динамики, воплотившее вместе с тем представления о безграничности, многообразности и вечной изменчивости мира. В таких странах, как Франция, Голландия и Англия, ведущую роль стал играть стиль классицизм, который, опираясь на античное наследие, утверждал примат разума, гражданского долга, рационалистически-упорядоченных принципов в искусстве. В ряде стран утверждались реалистические тенденции, например, в Голландии в XVII в. сформировалась национальная школа реалистической живописи, выделявшаяся глубокой демократичностью, жизненной естественностью образов, показавшей красоту и внутреннюю значительность обыденных явлений. Эпоха Просвещения характеризуется беспощадной войной с феодально-средневековым идеологическим устоем, что дало новый толчок развитию реализма во Франции, Англии, Германии и др. странах. Одновременно с этим наблюдалось увлечение стилем рококо, с его роскошью, утонченностью и откровенным гедонизмом. Вместе с тем просветительские идеи вызвали к жизни в XVIII – начале XIX вв. новую волну классицизма, ставшего последним более или менее единым стилем, в тоже время имеющего определенную специфику (например, во Франции конца XVIII в. идеалы буржуазной революции способствовали формированию революционного классицизма).

Опираясь на вышеизложенное, представьте в своем ответе на основе конкретных примеров картину развития культуры стран Западной Европы в эпоху Просвещения.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей рожают каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Поле, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездою... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я гложу в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и посейчас сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напиться на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают....Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуящую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалуясь, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

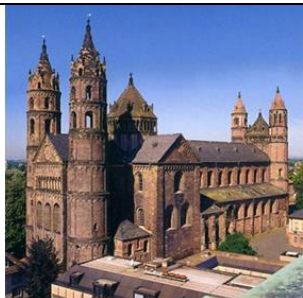
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

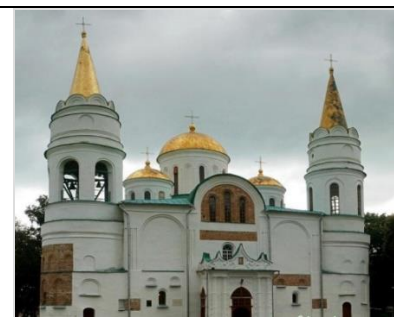
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

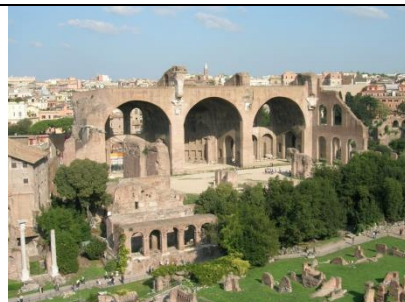
Ил. 26..

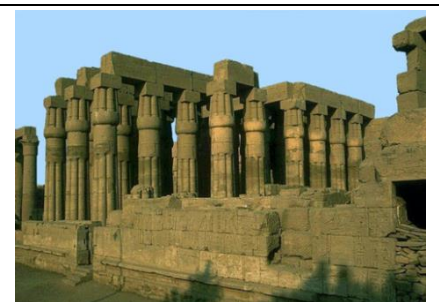
Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

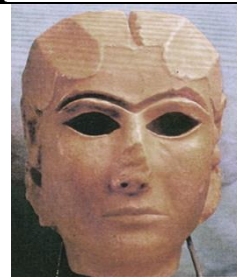
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

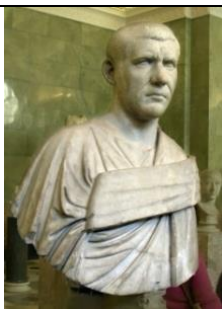
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

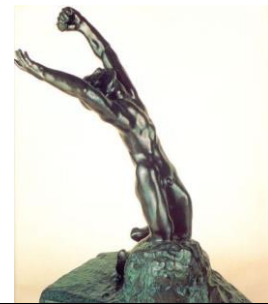
Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

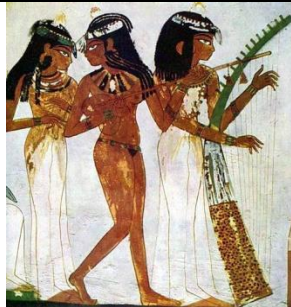

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

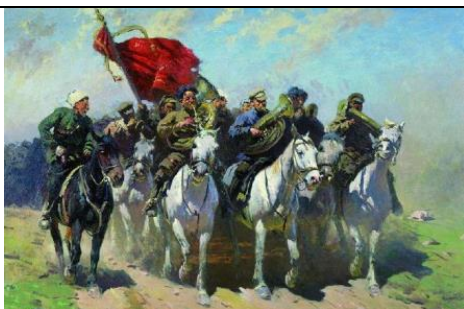
Ил. 62.

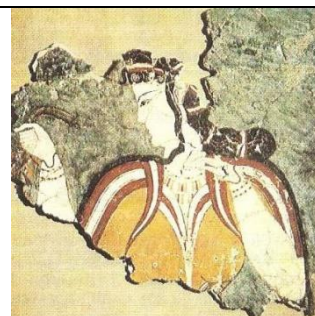
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

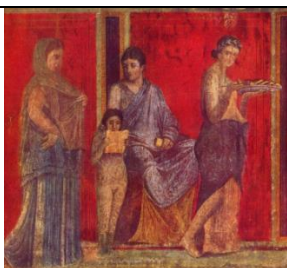
Ил. 67.

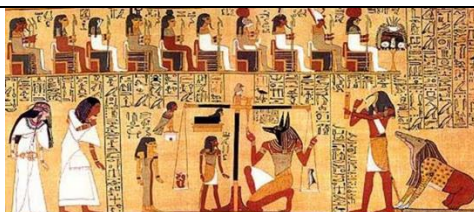
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

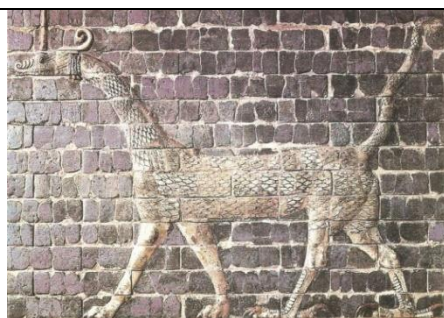
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

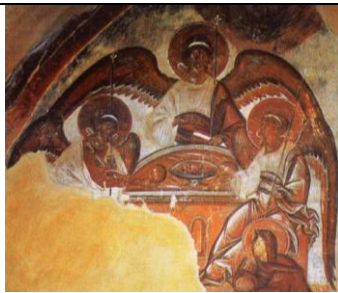
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 24.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Образ художника в западноевропейской живописи

- А. Определить название, время и автора каждого произведения –
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить направление искусства, в котором написана каждая из представленных картин.

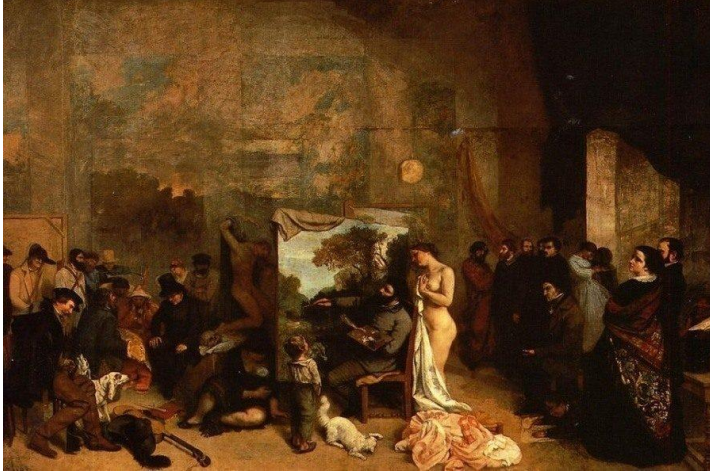

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

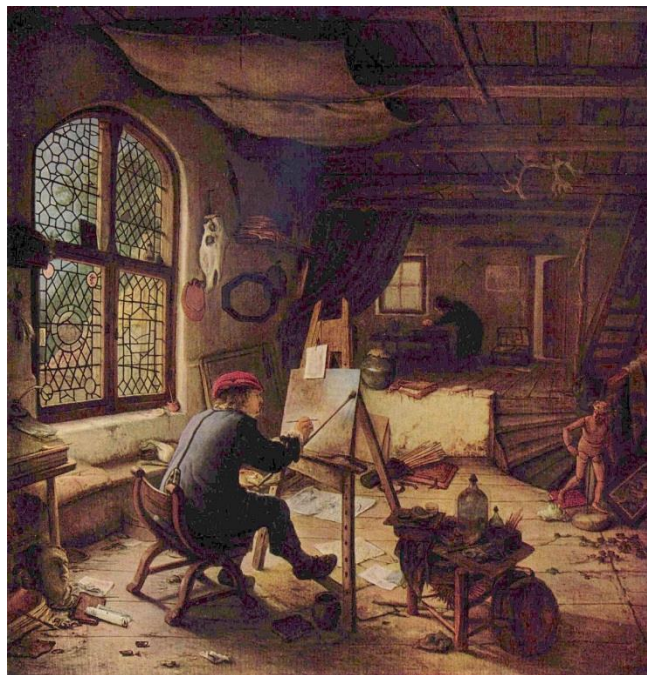

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 24.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 26.

Задание № 1. Художественный образ культурной эпохи: первая половина XX в. в России.

Вид искусства	Направления, стили и жанры искусства, авторы, произведения	
	Достижения по отдельным видам искусства (на основе знаний и собственных примеров)	Тексты и иллюстрации (выбор из Приложения)
Литература		№ __ № __
Архитектура		№ __ № __
Скульптура, рельеф, резьба		№ __ № __
Живопись		№ __ № __
<p>Выводы и оценка наиболее значимых достижений, понимание места и роли цивилизации или культурной эпохи в развитии западноевропейской и русской культуры (с опорой на содержание таблицы).</p> <p>Личная позиция по отношению к вкладу в сокровищницу мировой культуры отдельной цивилизации, культурной эпохи, национальных художественных школ и выдающихся деятелей культуры.</p>		

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

**Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)**

БИЛЕТ № 26.

Задание № 2. Основные вехи истории мировой культуры.

В книге «История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения», изданной под редакцией Л.М. Брагиной, обращено внимание на сложность оценки явлений и процессов, определявших уникальность Возрождения: «Культура Возрождения — не то же самое, что культура эпохи Возрождения. Первое из этих понятий относится к новым, собственно ренессансным явлениям, веяниям, тенденциям. Второе — гораздо шире, оно включает наряду с ренессансной культурой также и иные культурные феномены: средневековые традиции, которые продолжают существовать, и новые культурные процессы, неренессансные по характеру, в том числе связанные с воздействием Реформации и Контрреформации».

Опираясь на знания по истории культуры представьте в своем ответе широкую панораму духовной и художественной жизни Европы в XIV – XVII вв., определяющую формирование и развитие Возрождения как феномена культуры.

По завершению выполнения задания участники Олимпиады подбирают в соответствии с темой и комментируют иллюстрации и(или) тексты, данные в Приложении.

Выбор фрагментов литературных произведений к заданиям № 1 и № 2

Текст № 1

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское, третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого, с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича, и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря Святой Живоначальной Троицы и Святых Мучеников Бориса и Глеба Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним три тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке⁶ и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них — двух. Судно наше малое остановилось на езу, они взяли его и тотчас разграбили: а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести...

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много: дивятся белому человеку...

Текст № 2

... Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну -- человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных,-
Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужики Урука:
"Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью.
Часто их жалобу слыхивали боги,
Воззвали они к великой Аруру :
"Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает".
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце

Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.

Текст № 3

...Жизнь в маленьком доме Власовых потекла более тихо и спокойно, чем прежде, и несколько иначе, чем везде в слободе. Дом их стоял на краю слободы, у невысокого, но крутого спуска к болоту. Третью дома занимала кухня и отгороженная от нее тонкой переборкой маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети - квадратная комната с двумя окнами; в одном углу ее - кровать Павла, в переднем - стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу - вот и все...

...Но все - и она сама - только жаловались, никто не объяснял, почему жизнь так тяжела и трудна. А вот теперь перед нею сидит ее сын, и то, что говорят его глаза, лицо, слова, - все это задевает за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее. Матерей - не жалеют. Она это знала. Все, что говорил сын о женской жизни, - была горькая знакомая правда, и в груди у нее тихо трепетал клубок ощущений, все более согревавший ее незнакомой лаской.

- Что же ты хочешь делать? - спросила она, перебивая его речь.

- Учиться, а потом - учить других. Нам, рабочим, надо учиться. Мы должны узнать, должны понять - отчего жизнь так тяжела для нас...

...И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду, а за это враги жизни ловили их, как зверей, сажали в тюрьмы, посылали на каторгу...

- Ну вот, ты теперь знаешь, что я делаю, куда хожу, я тебе все сказал! Я прошу тебя, мать, если ты меня любишь, - не мешай мне!..

- Бог с тобой! Живи как хочешь, не буду я тебе мешать. Только об одном прошу - не говори с людьми без страха! Опасаться надо людей - ненавидят все друг друга! Живут жадностью, живут завистью. Все рады зло сделать. Как начнешь ты их обличать да судить - возненавидят они тебя, погубят!

Сын стоял в дверях, слушая тоскливую речь, а когда мать кончила, он, улыбаясь, сказал:

- Люди плохи, да. Но когда я узнал, что на свете есть правда, - люди стали лучше!..

Она взглянула на него и тихо молвила:

- Опасно ты переменялся, о, господи!

Когда он лег и уснул, мать осторожно встала со своей постели и тихо подошла к нему. Павел лежал кверху грудью, и на белой подушке четко рисовалось его смуглое, упрямое и строгое лицо. Прижав руки к груди, мать, босая и в одной рубашке, стояла у его постели, губы ее беззвучно двигались, а из глаз медленно и ровно одна за другой текли большие мутные слезы...

Текст № 4

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полям, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали?!

Текст № 5

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна...

Текст № 6

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая их нравы,
Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб домой возвратиться.
Все же спутников так и не спас он, как ни стремился,
Ибо себя погубили они по безумию сами.
Глупые: съели волов Гелиоса Гипериона,
День возвращенья в отчизну похитил у них он за это.
Что-нибудь, Зевсова дочь, и о них расскажи нам, богиня!
Все другие ушли от гибели тяжкой и были
Дома уже, от войны и опасностей моря избавясь;
Он один тосковал по родине и по супруге,
Будучи в гроте глубоком задержан прекрасной Калипсо
Светлой богиней, желавшей супругою быть Одиссея.

Текст № 7

В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был.
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.
Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!
Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.

Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.
Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.
Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.
Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.
Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.
Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.
На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.
Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

Текст № 8

Я припадал к ее стопам в стихах,
Сердечным жаром наполняя звуки,
И сам с собою пребывал в разлуке:
Сам - на земле, а думы - в облаках.

Я пел о золотых ее кудрях,
Я воспевал ее глаза и руки,
Блаженством райским почитая муки,
И вот теперь она - холодный прах.

А я без маяка, в скорлупке сирой
Сквозь шторм, который для меня не внове,
Плыву по жизни, правя наугад.

Да оборвется здесь на полуслове
Любовный стих! Певец устал, и лира
Настроена на самый скорбный лад.

Текст № 9

Приидите, поклонимся, верные,
Человеков Спасителю кроткому,
Сыну Божию благоутробному,
Властодержцу, терпеньем обильному, –

Кого силы величат небесные,
Кого хоры поют бестелесные,

Языками своими огнистыми,
Голосами своими немолчными
Трисвятое гласят песнословие
И победное молвят хваление:

Восславляют Отца безначального,
Сына, купно со Духом совечного,
Нераздельных всецело по сущности,
В ипостасях троимых таинственно,
Пребожественной Силы величие,
Совокупно всей тварию славимо.

Богородица, Дева пречистая,
Не отвергни, Честная, рабов Твоих,
Что житейской несомы пучиною
И валами разимы мятежными!

Горних сил без сравненья славнейшая
Голубица, от Духа позлащенная,
Ты апостолов честь и хваление,
Ты страдальцев о Господе рвение,
Ты всецелой земли упование;
О, прекрасная башня Давидова,
Град, двенадцать врат отверзающий,
Благовоний духовных хранилище,
Людям Божьим стена и прибежище,
И неложное им утверждение,
И для праведных душ охранение,
И безгрешным телам освящение!

Почитаем Тебя, Благодатная,
Славословим Тобою Рожденного,
Слезно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.

Боже, Боже, в тот день не отринь меня,
Изыми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не содей бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаянейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом, и плотию,
И что делать мне ныне, не ведаю.

Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадавшая,
Изливаю рыдания теплые:

Изыми меня, Господи, Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырь Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели,
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:

Подобает Тебе поклонение
Со Отцем и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.

Текст № 10

Будем за родину храбро стоять и, детей защищая,
Ляжем костями, не щадя жизни в отважном бою.
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим.
Дух сохраняйте в груди навсегда удалой и могучий
И не жалеите души, выйдя с врагами на бой...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав...

... Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, ещё Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи!

Текст № 11

Поэтому то, что изменчиво, непременно и сотворенно. Будучи же сотворенным, оно обязательно создано кем-либо. Но Создатель должен быть несотворенным, ведь если и Он сотворен, то обязательно создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несотворенному. Следовательно, будучи несотворенным, Творец, конечно, и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

Текст № 12

... И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божьим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили Бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией...

Текст № 13

... В это время вошел Дон Кихот и, узнав, о чем идет речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увел к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

- Я возношу бесконечные благодарения богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача... Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой, выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожаком и путеводною звездой... Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться бога, ибо в страхе господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придется завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а

добродетель приобретает, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников. Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача. Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнется у тебя в руке, то пусть это произойдет не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причиненной тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда.

Да не ослепляет тебя при разборе дел личное пристрастие, иначе ты допустишь ошибки, которые в большинстве случаев невозможно бывает исправить, а если и возможно, то в ущерб доброму твоему имени и даже твоему достоянию.

Если какая-нибудь красавица будет просить, чтобы ты за нее заступился, то отведи очи от ее слез и уши от ее стенаний и хладнокровно вникни в суть ее просьбы, иначе разум твой потонет в ее слезах, а добродетель твоя - в ее вздохах.

Если ты накажешь кого-нибудь действием, то не карай его еще и словом, ибо с несчастного довольно муки телесного наказания, и прибавлять к ней суровые речи нет никакой надобности.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности.

Если же ты, Санчо, наставления эти и правила соблюдешь, то дни твои будут долги, слава твоя будет вечной, награду получишь ты превеликую, блаженство твое будет неизреченно... Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души...

Текст № 14

Тела исчезают, другие пребывают, так со времен предков! Цари, которые были до нас, покоятся в их пирамидах. Те же, которые строили гробницы, их мест погребения нет. Что сделалось с ними? Я слышал речи Имхотепа и Хардедефа, чьими словами говорят все. А что их места погребения? Их стены разрушены, их мест нет, как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы пойдете туда, куда ушли они. Будь радостен, чтобы заставить забыть своё сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями царей! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле по велению своего сердца и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания. Не слышит воплей тот, чье сердце успокоилось, оплакивания никого не спасают из подземного мира. Проводи день радостно, не унывай из-за этого. Ведь никто не уносит своего добра с собой. Ведь никто не вернулся, кто ушел.

Текст № 15

...Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чудака проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении -- это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей

музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его жеблага, чтоб он лучше разобрался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музы. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана - это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда - видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы,- похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее. Лучший способ поощрения - это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всем вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Текст № 16

... Мне шел тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, -
Сон сбылся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. —
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел. Ваш черед просить
Его названье огласить:
Роман о Розе вы прочтете,
Любви искусство все найдете,
А ту, которой в первый раз
Я посвящаю свой рассказ,
Прошу принять его как есть,
Ей послужить сочту за честь,
Ей нет воистину цены, -
Её мы Розой звать должны.
Предмет сей нов и столь прекрасен,
Что труд мой будет не напрасен. —
Достойней всех других она
Любовью быть окружена!

Текст № 17

Прощай любовь моя прощай моя беда
Ты вырвалась на волю
Недолгая любовь омыла синевою

И смерклось навсегда

Взгляд моря как и твой был теплым и зеленым
Стелили миндали
Нам под ноги цветы И снова зацвели
А я под Мурмелоном

Название местности где пьяный от тоски
Я гложу в артобстреле
О Лу ты зла еще и смотрят как смотрели
Свинцовые зрочки?

Текст № 18

- Во Франции, - сказал я, - это устроено лучше.

- А вы бывали во Франции? - спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. - "Странно, - сказал я себе, размышляя на эту тему, - что двадцать одна миля пути на корабле, - ведь от Дувра до Кале никак не дальше, - способна дать человеку такие права. - Надо будет самому удостовериться". - Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. - Кафтан, - сказал я, взглянув на рукав, - и этот сойдет, - взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, - в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine; {В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. - Л. Стерн.} мои рубашки и черные шелковые штаны - чемодан и все прочее - достались бы французскому королю, - даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. - Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, - ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами...

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин: Немощами тела, Слабостью ума или Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снабемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями in infinitum {До бесконечности (лат.)}.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, - или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предлогами остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их

путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

- Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) - Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager* {Потребности путешествовать (франц.)}, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке - это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез...

Текст № 19

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь, под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмущившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье -
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,

Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пуускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть - царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

Текст № 20

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех слышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и вси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды — Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей> креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоты; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Текст № 21

«...Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошел на восточном склоне неба и всю землю наполнил своею красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен! Ты высоко над всей землею! Лучи твои объемлют все страны, до пределов того, что создано тобою... Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою. Ты далек, но лучи твои на земле... Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. ...Озаряется земля, когда ты восходишь на небосклоне; ты сияешь, как солнечный диск, ты разгоняешь мрак, щедро посылая лучи свои, и Обе Земли просыпаются, ликуя, и поднимаются на ноги. Ты разбудил их — и они омывают тела свои, и берут одежду свою. Руки их протянуты к тебе, они прославляют тебя, когда ты сияешь надо всею землей, и трудятся они, выполняя свои работы. Скот радуется на лугах своих, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из гнезд своих, и крылья их славят твою душу. Все животные прыгают на ногах своих, все крылатое летает на крыльях своих — все оживают, когда озаришь ты их сиянием своим. Суда плывут на север и на юг, все пути открыты, когда ты сияешь. Рыбы в реке резвятся пред ликом твоим, лучи твои [проникают] в глубь моря, ты созидаешь жемчужину в раковине, ты сотворяешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну во чреве матери его... О, сколь многочисленно творимое тобою и скрытое от мира людей, бог единственный, нет другого, кроме тебя! ... Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, кроме сына твоего Неферхепура, единственного у Ра, ты даешь сыну своему постигнуть предназначения твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы, ибо ты создал людей; ты восходишь — и они живут, ты заходишь — и они умирают.... Ты пробуждаешь всех ради сына твоего, исшедшего из плоти твоей, для царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего правдой, Владыки Обеих Земель, Неферхепура, единственного у Ра, сына Ра, живущего правдой, Владыки венцов Эхнатона, великого, — да продлятся дни его! — и ради великой царицы, любимой царем, Владычицы Обеих Земель Неференефруитен Нефертити, — да живет она, да будет молода она во веки веков!»

Текст № 22

Горио еще платил тогда за пансион тысячу двести франков. Г-жа Воке находила вполне естественным, что у богатого мужчины четыре или пять любовниц, а в его стремлении выдать их за своих дочерей усматривала даже большое хитроумие. Она нисколько не была в претензии, что он их принимал в "Доме Воке". Но так как этими посещениями объяснялось равнодушие пансионера к ее особе, вдова позволила себе в начале второго года дать ему кличку "старый кот". Когда же Горио скатился до девятисот франков, она, увидя одну из этих дам, сходящую с лестницы, спросила его очень нагло, во что он собирается превратить ее дом. Папаша Горио ответил, что эта дама его старшая дочь.

- Так у вас дочерей-то целых три дюжины, что ли? - съязвила г-жа Воке.

- Только две дочери, - ответил ей жилец смиренно, как человек разорившийся, дошедший до полной покорности из-за нужды.

К концу третьего года папаша Горио еще больше сократил свои траты, перейдя на четвертый этаж и ограничив расход на свое содержание сорока пятью франками в месяц. Он бросил нюхать табак, расстался с парикмахером и перестал пудрить волосы. Когда папаша Горио впервые явился ненапудренным, хозяйка ахнула от изумления, увидев цвет его волос - грязно-серый с зеленым оттенком. Его физиономия, становясь под гнетом тайных горестей день ото дня все печальнее, казалась самой удрученной из всех физиономий, красовавшихся за обеденным столом. Не оставалось никаких сомнений: папаша Горио - это старый распутник, только благодаря искусству врачей сохранивший свои глаза от коварного действия лекарств, неизбежных при его болезнях, а противный цвет его волос - следствие любовных излишеств и тех снадобий, которые он принимал, чтобы продлить эти излишества. Физическое и душевное состояние бедняги, казалось оправдывало этот вздор. Когда у Горио сносилось красивое белье, он заменил его бельем из коленкора, купленного по четырнадцать су за локоть. Бриллианты, золотая табакерка, цепочка, драгоценности - все ушло одно вслед за другим. Он расстался с васильковым фракком, со

всем своим парадом и стал носить зимой и летом сюртук из грубого сукна коричневого цвета, жилет из козьей шерсти и серые штаны из толстого буксина. Горио все худел и худел; икры опали, лицо, расплывшееся в довольстве мещанского благополучия, необычайно сморщилось, челюсти резко обозначились, на лбу залегли складки. К концу четвертого года житья на улице Нев-Сент-Женевьев он стал сам на себя непохож. Милый вермишельщик шестидесяти двух лет, на вид не больше сорока, высокий, полный буржуа, моложавый до нелепости, с какой-то юношью улыбкою на лице, радовавший прохожих своим веселым видом, теперь глядел семидесятилетним стариком, тупым, дрожащим, бледным. Сколько жизни светилось в голубых его глазах! - теперь они потухли, выщвели, стали серо-железного оттенка и больше не слезились, а красная закраина их век как будто сочилась кровью. Одним внушал он омерзение, другим - жалость. Юные студенты-медики, заметив, что нижняя губа у него отвисла, и смерив его лицевой угол, долго старались растормошить папашу Горио, но безуспешно, после чего определили, что он страдает кретинизмом.

Текст № 23

Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра. ...Сей князь Александр родился от отца милостилубивого и человеколюбивого, более всего кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. ...Но и вид у него был не как у иных людей, и голос его, словно труба, в народе звучал...

Услышав о таком мужестве князя Александра, король страны Римской из северной земли подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал он силу великую, и наполнил много кораблей полками своими, двинулся с великими силами, пылая духом ратным. И пришел он в Неву, опьяненный безумием, и послал, загордившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь сопротивляться мне, то я уже здесь, пленяю землю твою».

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем, и вошел в церковь святой Софии, и, пав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славимый, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, создавший небо и землю и положивший пределы народам, Ты повелел жить не переступая чужих границ». Вспомнив пророческую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и возбрани борющимся со мною, возьми оружие и щит и стань на помощь мне».

И, окончив молитву, встав, поклонился он архиепископу. Был же архиепископом тогда Спиридон, он благословил Александра и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, что сказал: "Эти с оружием, а эти на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: те были повержены и пали, мы же устояли и стоим прямо"». Это сказав, пошел он на врагов с малой дружиной, не дожидая основных сил своих, но уповая на Святую Троицу.

И пошел он против врагов в воскресенье 15 июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба... После этого Александр постарался напасть на врагов в шестом часу дня. И была сеча великая с Римлянами, и избил он их множество бесчисленное, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь проявили свое мужество, как и сам он, 6 мужей храбрых из полка его.

...На второй год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город в отечестве Александровой. Князь же Александр быстро пошел и разрушил город их до основания, а их самих - одних повесил, других с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: был он милостив безмерно.

После победы Александровой, когда победил он короля, в третий год зимой пошел он на землю немецкую с великой силой, чтоб не похвалялись, говоря: «Унизим славянский народ и поставим его ниже себя».

Уже был взят ими город Псков и немецкие наместники посажены. Он же вскоре изгнал из Пскова немцев, иных немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял бесчисленное множество, а иных перебил. Они же, гордые, соединились и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его в плен».

Когда немцы приближались, то обнаружила их стража. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. ...Была тогда суббота, и, когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была сеча злая, и стоял треск от ломающихся копий и лязг от ударов мечей, так что замерзшее озеро двинулось

и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

Текст № 24

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.
Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Текст № 25

...Анна первое время избегала, сколько могла, этого света княгини Тверской, так как он требовал расходов выше ее средств, да и по душе она предпочитала первый; но после поездки в Москву сделалось наоборот. Она избегала нравственных друзей своих и ездила в большой свет. Там она встречала Вронского и испытывала волнуемую радость при этих встречах. Особенно часто встречала она Вронского у Бетси, которая была урожденная Вронская и ему двоюродная. Вронский был везде, где только мог встречать Анну, и говорил ей, когда мог, о своей любви. Она ему не подавала никакого повода, но каждый раз, когда она встречалась с ним, в душе ее загоралось то самое чувство оживления, которое нашло на нее в тот день в вагоне, когда она в первый раз увидела его. Она сама чувствовала, что при виде его радость светилась в ее глазах и морщила ее губы в улыбку, и она не могла задушить выражение этой радости.

Первое время Анна искренно верила, что она недовольна им за то, что он позволяет себе преследовать ее; но скоро по возвращении своем из Москвы, приехав на вечер, где она думала встретить его, а его не было, она по овладевшей ею грусти ясно поняла, что она обманывала себя, что это преследование не только не неприятно ей, но что оно составляет весь интерес ее жизни.

Знаменитая певица пела второй раз, и весь большой свет был в театре. Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу.

- Что ж вы не приехали обедать? - сказала она ему. - Удивляюсь этому ясновиденью влюбленных, - прибавила она с улыбкой, так, чтоб он один слышал: - Она не была. Но приезжайте после оперы.

Вронский вопросительно взглянул на нее. Она нагнула голову. Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее.

- А как я вспоминаю ваши насмешки! - продолжала княгиня Бетси, найдя особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти. - Куда это все делось! Вы пойманы, мой милый.

- Я только того и желаю, чтобы быть пойманным, - отвечал Вронский с своею спокойною добродушною улыбкой. - Если я жалею, то не только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

- Какую ж вы можете иметь надежду? - сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, - entendons nous... - Но в глазах ее бегали огоньки, говорившие, то она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.

- Никакой, - смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский. - Виноват, - прибавил он, взяв из ее руки бинокль и принявшись оглядывать чрез ее обнаженное плечо противоположный ряд лож. - Я боюсь, что становлюсь смешон.

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, пристающего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и поэтому он с гордою и веселою, игравшею под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину...

Текст № 26

Когда боги, подобно людям,
Бремя несли, таскали корзины,
Корзины богов огромны были,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Семь великих богов Ануннаков
Возложили бремя труда на Игигов.
Был Ану, отец их, вышним владыкой.
Их советником - воитель Энлиль.
Их управляющим был Нинурта,
Их надсмотрщиком был Эннуги.
Тогда по рукам ударили боги,
Бросили жребий, поделили уделы.
Ану получил во владение небо,
Власти Энлиля подчинили землю.
Засовы вод, врата Океана,
Государю Энки они поручили.
На небо свое Ану поднялся,
Энки спустился в свои глубины.
Они, небесные Ануннаки,
Тяжкий труд преложили Игигам.
Начали боги выкапывать реки -
Жизнь страны, - каналы прорыли;
Реку Тигр они прокопали,
Реку Евфрат прокопали также.
Они трудились в водных глубинах.
Жилище для Энки они возводили.
Они возвели Апсу для Энки,
.....они вознесли его на вершину.
Десять лет они тяжело трудились.
Двадцать лет они тяжело трудились.
Тридцать лет они тяжело трудились.
Годы и годы тяжело трудились.
Годы труда они подсчитали
Годы труда в болотах и топях
Годы труда они подсчитали
Две с половиной тысячи лет
Они тяжело трудятся днем и ночью.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
"Хотим управляющего видеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!...
... Эйа открыл уста свои,
Так говорит богам, своим братьям:
"За что мы к ним питаем злобу?
Их труд тяжел, велики невзгоды.
Каждый день они носят корзины,
Горьки их плачи, их стенанья мы слышим.
Пусть Ануннаки пред тобою воссядут,
Белет-или, праматерь богов, предстанет,
Пусть она сотворит человека,
Бремя богов на него возложим.
Труд богов поручим человеку,
Пусть несет человек иго божье!"

Текст № 27

... Английский госпиталь помещался в большой вилле, выстроенной каким-то немцем перед войной. Мисс Баркли была в саду. С ней была еще одна сестра. Мы увидели за деревьями их белые форменные платья и пошли прямо к ним. Ринальди отдал честь. Я тоже отдал честь, но более сдержанно.

- Здравствуйте, - сказала мисс Баркли. - Вы, кажется, не итальянец?

- Нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой. Они смеялись.

- Как странно - служить в итальянской армии.

- Собственно, это ведь не армия. Это только санитарный отряд.

- А все-таки странно. Зачем вы это сделали?

- Не знаю, - сказал я. - Есть вещи, которые нельзя объяснить...

- Что это у вас за трость? - спросил я.

Мисс Баркли была довольно высокого роста. Она была в белом платье, которое я принял за форму сестры милосердия, блондинка с золотистой кожей и серыми глазами. Она показалась мне очень красивой. В руках у нее была тонкая ротанговая трость, нечто вроде игрушечного стека.

- Это - одного офицера, он был убит в прошлом году.

- Простите...

- Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили на Сомме.

- Там была настоящая бойня...

- Мне рассказывали, - сказала она. - Здесь война совсем не такая. Мне прислали эту тросточку. Его мать прислала. Ее вернули с другими его вещами.

- Вы долго были помолвлены?

- Восемь лет. Мы выросли вместе.

- Почему же вы не вышли за него раньше?

- Сама не знаю, - сказала она. - Очень глупо. Это я, во всяком случае, могла для него сделать. Но я думала, что так ему будет хуже.

- Понимаю.

- Вы любили когда-нибудь?

- Нет, - сказал я.

Мы сели на скамью, и я посмотрел на нее.

- У вас красивые волосы, - сказал я.

- Вам нравятся?

- Очень.

- Я хотела отрезать их, когда он умер.

- Что вы.

- Мне хотелось что-нибудь для него сделать. Я не придавала значения таким вещам; если б он хотел, он мог бы получить все. Он мог бы получить все, что хотел, если б я только понимала. Я бы вышла за него замуж или просто так. Теперь я все это понимаю. Но тогда он собирался на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

- Я тогда вообще ничего не понимала. Я думала, так для него будет хуже. Я думала, может быть, он не в силах будет перенести это. А потом его убили, и теперь все кончено... Ваш друг, кажется, врач?

- Да. Он очень хороший врач.

- Как это приятно. Так редко встречаешь хорошего врача в прифронтовой полосе. Ведь это прифронтовая полоса, правда?

- Конечно.

- Дурацкий фронт, - сказала она. - Но здесь очень красиво. Что, наступление будет?

- Да.

- Тогда у нас будет работа. Сейчас никакой работы нет.

- Вы давно работаете сестрой?

- С конца пятнадцатого года. Я пошла тогда же, когда и он. Помню, я все носилась с глупой мыслью, что он попадет в тот госпиталь, где я работала. Раненый сабельным ударом, с повязкой вокруг головы. Или с простреленным плечом. Что-нибудь романтическое.

- Здесь самый романтический фронт, - сказал я.

- Да, - сказала она. - Люди не представляют, что такое война во Франции. Если б они представляли, это не могло бы продолжаться. Он не был ранен сабельным ударом. Его разорвало на куски.

Я молчал.

- Вы думаете, это будет продолжаться вечно?

- Нет.

- А что же произойдет?

- Сорвется где-нибудь.

- Мы сорвемся. Мы сорвемся во Франции. Нельзя устраивать такие вещи, как на Сомме, и не сорваться.

- Здесь не сорвется, - сказал я.

- Вы думаете?

- Да. Прошлой лето все шло очень удачно.

- Может сорваться, - сказала она. - Всюду может сорваться.

- И у немцев тоже...

Текст № 28

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Текст № 29

... И он опять засмеялся, когда вспомнил, что Феб жив, что, наперекор всему, капитан жив, доволен и весел, что на нем мундир нарядней, чем когда-либо, и что у него новая возлюбленная, которой он показывал, как будут вешать прежнюю. Он посмеялся над собой еще громче, когда подумал, что из всех живущих на земле людей, которым он желал смерти, не избежала ее лишь цыганка - единственное существо, не вызывавшее в нем ненависти.

От капитана его мысль перенеслась к толпе, и тут его охватила мучительная ревность. Он подумал о том, что вся эта толпа видела обожаемую им женщину в одной сорочке, почти обнаженную. Он ломал себе руки при мысли, что эта женщина, чье тело, приоткрывшись перед ним в полумраке, могло бы дать ему райское блаженство, сегодня, в сияющий полдень, одетая, как для ночи сладострастия, была доступна взорам всей толпы. Он плакал от ярости над всеми этими тайнами поруганной, оскверненной, оголенной, навек опозоренной любви. Он плакал от ярости, представляя себе, сколько нечистых взглядов скользнуло под этот распахнутый ворот; эта прекрасная девушка, эта девственная лилия, эта чаша ненависти и восторгов, которую он лишь трепеща

осмелился бы пригубить, была превращена в общественный котел, из которого все отребье Парижа - воры, нищие, бродяги - пришло черпать сообща бесстыдное, нечистое и извращенное наслаждение.

И когда он пытался вообразить себе счастье, которое он мог найти на земле, если бы девушка не была цыганкой, а он священником, если бы она любила его, а Феб не существовал на свете; когда он думал о том, что и для него могла начаться жизнь, полная любви и безмятежности, что в этот самый миг на земле есть счастливые пары, забывшиеся в нескончаемых беседах под сенью апельсиновых деревьев, на берегу ручья, осиянные заходящим солнцем или звездной ночью, что и он с ней, если бы того пожелал господь, могли быть такой же благословенной парой, - сердце его исходило нежностью и отчаянием.

Она! Везде она! Эта неотвязная мысль возвращалась непрестанно, терзала его, жалила его мозг и раздирала его душу. Он ни о чем не сожалел, ни в чем не раскаивался; все, что он сделал, он готов был сделать вновь; он предпочитал видеть ее в руках палача, нежели в объятиях капитана, но он страдал, -- он страдал так невыносимо, что по временам вырывал у себя клочья волос, чтобы посмотреть, не поседел ли он.

Было мгновение, когда ему представилось, что, быть может, в эту самую минуту отвратительная цепь, которую он утром видел, сейчас железным узлом стянулась на ее нежной милой шейке. Эта мысль заставила его облиться холодным потом.

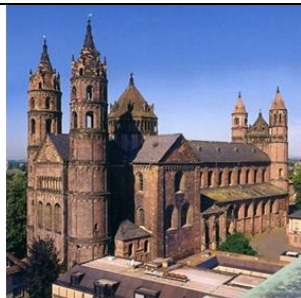
И была другая минута, когда, смеясь над собой язвительным смехом, он вспомнил Эсмеральду такой, какой видел ее в первый день: живой, беспечной, веселой, нарядной, пляшущей, окрыленной, гармоничной, и Эсмеральду последнего дня - в рубище, с веревкой на шее, медленной поступью босыми ногами всходящую по крутым ступеням виселицы. Он так явственно представил себе этот двойной образ, что у него вырвался ужасающий вопль...

Текст № 30

...Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год! Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно - лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?...

Иллюстрации к заданиям № 1 и № 2.
Иллюстрации № 1. Архитектура.

Ил. 1.

Ил. 2.

Ил.3.

Ил. 4.

Ил. 5.

Ил. 6.

Ил. 7.

Ил. 8..

Ил.9.

Ил. 10..

Ил. 11.

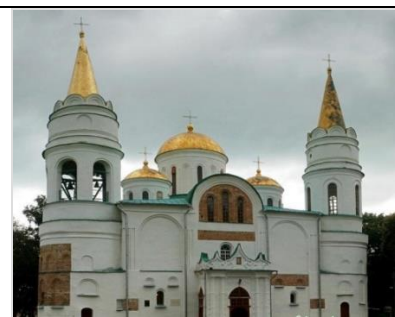
Ил. 12..

Ил. 13.

Ил. 14.

Ил. 15.

Ил. 16.

Ил. 17.

Ил. 18..

Ил. 19.

Ил. 20.

Ил. 21..

Ил. 22.

Ил. 23.

Ил. 24.

Ил.25.

Ил. 26..

Ил. 27.

Ил. 28..

Ил. 29..

Ил. 30.

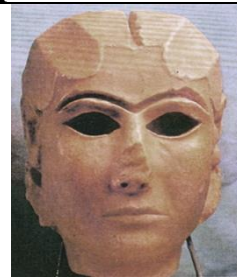
Иллюстрации № 2. Скульптура, рельеф, резьба.

Ил. 31.

Ил. 32..

Ил.33.

Ил. 34.

Ил. 35.

Ил. 536.

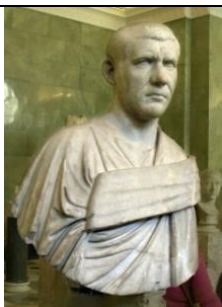
Ил. 37.

Ил. 38.

Ил. 39..

Ил. 40.

Ил. 41.

Ил. 42.

Ил. 43.

Ил. 44.

Ил. 45.

Ил. 46..

Ил. 47.

Ил. 48.

Ил. 49.

Ил. 50.

Ил. 51.

Ил. 52.

Ил. 53.

Ил. 54.

Ил. 55..

Ил.56..

Ил. 57..

Ил. 58.

Ил. 59.

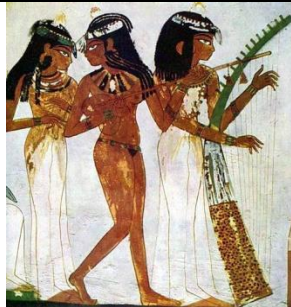

Ил. 60.

Иллюстрации № 3. Живопись.

Ил. 61.

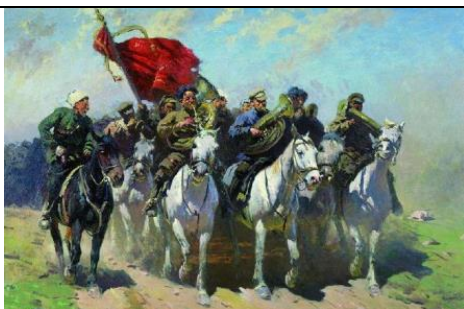
Ил. 62.

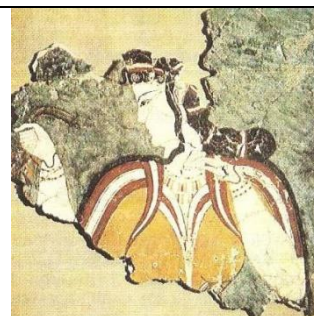
Ил. 63.

Ил. 64.

Ил. 65.

Ил. 66.

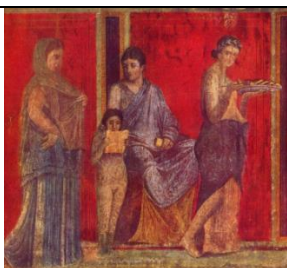
Ил. 67.

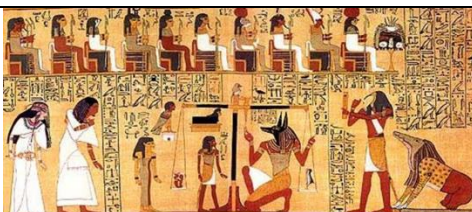
Ил. 68.

Ил. 69.

Ил. 70.

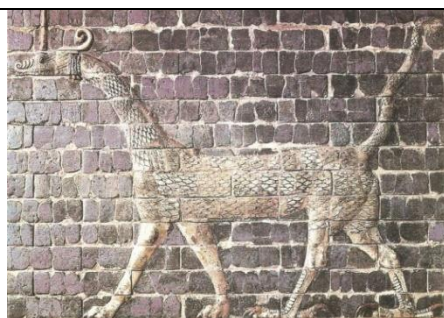
Ил. 71.

Ил. 72.

Ил. 73.

Ил. 74.

Ил. 75.

Ил. 76.

Ил. 77.

Ил. 78.

Ил. 79.

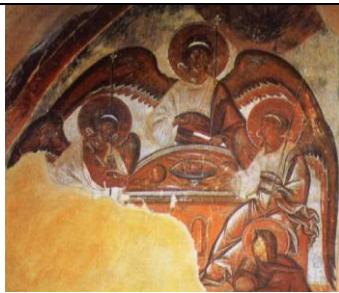
Ил. 80.

Ил. 81.

Ил. 82.

Ил. 83.

Ил. 84.

Ил. 85.

Ил. 86.

Ил. 87.

Ил. 88.

Ил. 89.

Ил. 90.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

История искусства и культуры

Задания «История искусства и культуры» (заключительный тур)

БИЛЕТ № 26.

Задание № 3. «Шедевры живописи»

Автопортрет художника в западноевропейском искусстве 20 века

- А. Определить автора и годы создания каждого произведения
- Б. Дать сравнительную характеристику
- В. Определить направление искусства, в котором создано каждое из представленных произведений.

Иллюстрация 1

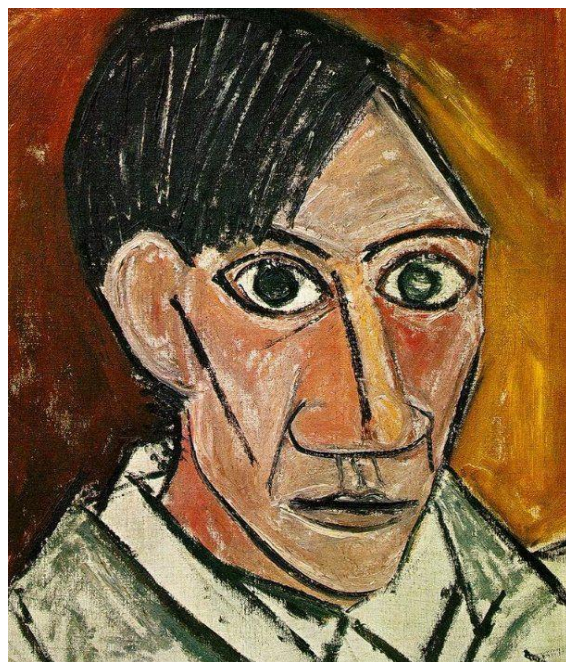

Иллюстрация 2

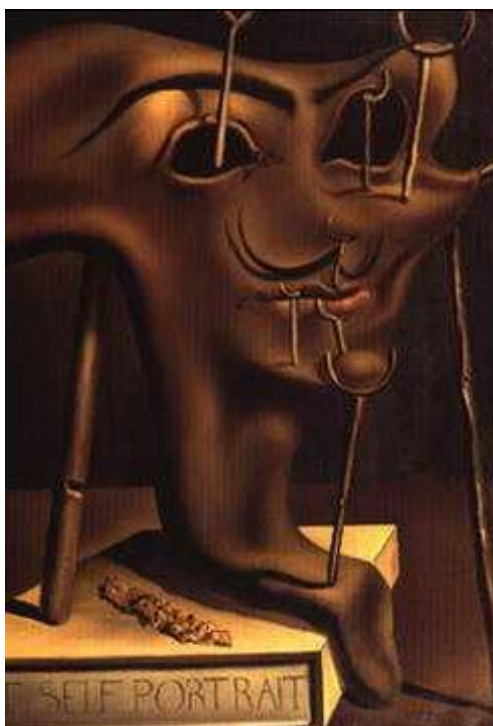

Иллюстрация 3

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА»

ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО КОМПЛЕКСУ ПРЕДМЕТОВ
«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»
(академический рисунок, живопись, композиция, история искусства и культуры)

Задания «История искусства и культуры»
(заключительный тур)

БИЛЕТ № 26.

Задание № 4. «Искусствоведческое эссе».

